

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Н. Н.

ПЛАВАНИЕ НА КОРВЕТЕ «ВИТЯЗЬ»

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАПУА-КОВИИ

декабрь 1873 июль 1874 г.

Бейтензорг—Амбоина

1873 год

Декабрь, 15. Бюйтензорг. Около 12 часов ночи выехал я из Бюйтензорга. Я предпочел 5-часовую езду в карете 2-часовой езде по железной дороге, потому что мог провести таким образом несколько часов более в семействе Л*** и потому что предпочитаю отправляться в путь вечером или ночью. Сон благотворно действует, и разлука с близкими людьми переносится как будто в мир грез. Мне жаль было расстаться с Бюйтензоргом, где провел так беззаботно с лишком 6 месяцев между хорошими (*Было:* симпатичными) людьми; выезжая из парка, мне хотелось вернуться... Я старался заснуть, что удалось, будучи очень усталым укладкою вещей, притом карета (*Далее зачеркнуто:* ген.-губернатора) была покойна и наполнена подушками и одеялами.

К рассвету, около 4 1/2 утра въехали мы в Батавию. На дворе дома резидента я был встречен слугами его, которые уже ожидали меня. Вещи были перенесены в телегу, и тощая, крысообразная кляча повезла их к пристани. Написав несколько строк г-ну Л*** и Фольцу и позавтракав с резидентом и его женою, отправился с ним к пристани. Проезжая вдоль канала, который соединяет старый и новый город и в котором мылись, купались, испражнялись туземцы и китайцы, речь зашла об холере, которая уже более 6 недель господствовала в Батавии и от которой умерло в это время около 2000 человек. Резидент заметил, что китайский квартал, очень тесный, населенный и грязный, доставил самый малый контингент умерших, и думает объяснить это обстоятельство тем, что китайцы не употребляют сырую воду, а вареную в виде чая, малайцы же много пьют и несколько раз в продолжение дня купаются в инфицированной ими же воде каналов. Европейцев умерло в эту эпидемию не менее 200.

Около гавани пестрая толпа теснилась около нагруженных и нагружавшихся (*Нрзб., читается предположительно*) барок, шлюбок. Два небольших пароходика ожидали: один — отвезти, другой — привезти пассажиров с рейса, так как один пароход, «Король Вильгельм III» (*Далее зачеркнуто:* с которым я), отправлялся в Самаранг, Сурабайю и Молуккский архипелаг, другой, «Нева» (уже виднелась) должен быть привезти европейскую почту из Сингапура.

Публика, которая отправлялась с нами, была разнообразная, между прочими — семья богатого китайца отправлялась с ним до Самаранга. Две небольшие девочки, лет 8 и 11, были одеты в очень пестрый костюм; желтый, лиловый, красный шелк опутывал их худенький стан; лица были набелены рисовой мукой, на руках и пальцах блестело множество золотых браслетов и колец со многими драгоценными камнями. Рядом с ними дети лип-лап представляли антропологический вопрос: отчего эти обе группы детей, родившиеся от матерей одной (малайской) расы, но от разных (китайцев и европейцев) отцов, одни представляют (*Было:* сохраняют) почти (*Было:* преобладающий) китайский тип, в других же (лип-лап) малайский значительно преобладает. Но не только китайцы

налагают свой тип на детей от туземных ♀ ♀, но и негры; дети этих последних сохраняют почти все особенности негритянской расы: курчавые волосы, строй лица, но немного более светлый цвет лица (*Было*: волосы).

Отлагаю до другого раза интересный вопрос о лип-лап, который очень важен для голландской колонизации архипелага, так как европейцы без примеси могут существовать и плодиться здесь только до 3-й генерации. Я предложил Dr. X. в Батавии следующие вопросы:

- 1) Можно ли статистически доказать бесплодность 3-го и 4-го поколения европейцев в колонии?
- 2) Как велика численность детей в смешанных семействах (лип-лап)?
- 3) Как рано является менструация у девочек и когда прекращается?
- 4) Степень плодородности женщин лип-лап.
- 5) Действуют ли различно на лип-лап болезни (сифилис, лихорадка, холера и т. д.) и в какой степени?
- 6) То же у китайцев.
- 7) Заметно ли влияние примеси малайской крови на умственные и моральные способности?
- 8) Характеристичные черты лип-лапизма проявляются ли более в 3 или S поле?
- 9) Как долго и обильно проявляется менструация у малайских женщин и женщин лип-лап?

Перебравшись на пароход «Король Вильгельм III», я простился с любезным г. Йелингауз, резидентом Батавии, поручив ему телеграмму в Бюйтенцорг.

Я остался с моими двумя спутниками, Ахматом и небольшой обезьянкой. Несколько слов об них. Я получил Ахмата, 11- или 12-летнего папуаса, от султана Тидорского в январе этого (*Было*: прошлого) года. Пробыв около 4 месяцев на клипере «Изумруде», он выучился говорить по-русски, и на этом языке мы объясняемся. Ахмат — сметливый, непослушный, но добрый мальчик, который делает усердно и старательно все, что ему нравится делать, но убегает и скрывается, как только работа ему не по вкусу.

Другой спутник — небольшая южноамериканская обезьяна, принадлежавшая одному из офицеров «Изумруда», пробывшая на клипере 2 года и потом перешедшая в мое владение. Она была любимицей детей генерал-губернатора и часто потешала меня.

В 9-м часу мы снялись с якоря, и я отправился спать, так как устал от многодневной укладки вещей и так как часто возвращающаяся мысль о Бюйтенцорге мешала мне думать или заниматься чем-нибудь.

Декабря 16. Ночью заходили в Шерибон, где пробыли до рассвета. Местность около Шерибона и далее около Самаранга красива даже с моря: отдельно стоящие вулканы (*Далее зачеркнуто*: с красивыми контурами) возвышаются громадными массами и (*Далее*

зачеркнуто: их контуры), так как они очень высоки (до 1000 <ф>) относительно кряжей гор, придают местности своеобразный характер. Один из пассажиров оказался инженер-топографом, который отправляется в окрестности и на гору Слатат, один из самых высоких кратеров, мимо которых мы плыли. Он мне сообщил все имена и высоты каждой горы, но я почти сейчас же забыл те и другие. Некоторые обычаи, которые он также мне сообщил, довольно интересны. Много лет путешествуя по Яве и подымаясь для топографических работ на вершину гор и проводя у кратеров часто многие недели, он постоянно (*Было*: много раз) натыкался на многие суеверия яванцев (которые как носильщики сопровождали его) относительно огнедышащих гор.

Например, как только он и его люди переступали границу растительности около кратера, где почва покрыта обломками лавы или пемзой, также проходя через потоки лавы, которые хотя давно остыли, но не покрыты растительностью, ни один из яванцев не оставляет свои жидкие и твердые экскременты на земле, все это тщательно собирается в бамбук и на листья и сносится потом ниже границы растительности. То же самое с кровью: если случается колоть кур или другую живность, ни одна капля ее не должна упасть на землю. Поднявшись до кратера, яванцы бросают отсюда в кратер рис и что подобное как дар (*Далее зачеркнуто*: или приношения для уку), чтобы расположить в свою пользу злых духов, жителей вулкана. Европейцев они просят бросить несколько монет с тою же целью. Это напомнило мне усердную просьбу взятых мною людей, когда всходил на Тернатский пик. Они жалобно просили не бросать ни под каким видом в кратер камней или что подобное, чтобы не рассердить злых духов, жителей вулкана. Там же существует поверие, что после каждого посещения кратера европейцами следует извержение, вероятно, вследствие того, что европейцы не исполняют обычаев.

Зашла речь о других обычаях малайцев, между прочими — и об обрезании. Я хотел знать, какую именно часть срезают у девочек. Вышла разногласица. Один уверял: верхняя складка кожи над клитором; другой: конец самого клитора. Эту операцию совершают над детьми 11—12 лет, иногда моложе. У мальчиков это делают так, что кожу напяливают и сжимают ее между двумя палочками. Через 1 1/2—2 дня кожу, выступающую из палочки, срезают. Это делается бамбуковым ножом и прищемливая кожу между палочками, чтобы во время операции пациент не кричал (что запрещено религией и обычаем). «Как же с мочой в продолжение двух дней?» — спросил я. Мне ответили (*Было*: меня уверяют): ребенку не дают в продолжение этого времени ни пить, ни есть.

Еще один оригинальный обычай, встречающийся между даяками на Борнео. После обрезания делают в коже вокруг *glans penis* отверстие, в которое вставляют несколько пучков щетины; когда ранка закрывается, эти щетинки совершенно вращены в кожу. Это делается, чтобы доставить большее удовольствие женщинам во время коитуса. Другой пассажир, офицер, бывавший (*Нрзб., читается предположительно*) на Борнео, подтвердил существование этого обычая у многих даяков, прибавив, что он называется там «дьюмбут» и что волосы, или щетина, выступают на 2 или 3 мм. Он сказал, что сам видел подобный *penis*. Зашла также речь об отраве, которая, как европейцы в колониях предполагают, нередко употребляется малайцами относительно их самих. Между ними есть много очень медлительных, от которых отравленные умирают много месяцев спустя. Такой яд представляют, например, тонкие и жесткие волосики, которые покрывают бамбуковые стволы у корня. Каждый день в продолжение нескольких недель прибавляют к кушанью того, кого желают отравить, по шепотке этих волосиков. Они так мелки, что незаметно съедаются, и только через много (*Много было исправлено на несколько, затем восстановлено*) недель производят, и то (*Далее зачеркнуто*: сперва) мало-помалу, боль (*Было*: расстройство) в желудке и кишках. Здесь все убеждены, что эта отравка ведет, наконец, к смерти, которая кончает сильные страдания. Хотя несомненно, что яванцы и

знали много таинственных ядов, но теперь они нередко прибегают и к более известным, как, например, к мышьяку, который продается на каждом рынке. Мне было рассказано еще одно средство, к которому прибегают малайцы, желая отмстить какой-нибудь женщине. Перед коитусом они покрывают голову члена плевою яйца, которая во время совокупления остается во влагилице, гниет и производит злокачественные язвы, от которых женщина умирает .

17 (декабря), среда. Самаранг. Вчера вечером пришли в Самаранг. Но ни один пассажир не решился съехать на берег. Прибой при этом муссоне очень силен, и нередко случаются несчастные случаи со шлюбками и шаландами около берега. Сегодня, хотя волнение было сильно, палуба освободилась от многих неудобных спутников: нескольких дам, страдающих морской болезнью, и нескольких крикливых детей. Я весь день, чувствуя себя, как и предыдущий, нехорошо, провел в покойном своем кресле, которое еще в Бюйтенцорге снабдил особенной подушкой для головы и столиком. Так как льда не было, то просил одного из пассажиров привезти с собой, но он вернулся только вечером.

18 <декабря>, четверг. Холера была также довольно сильна в Самаранге, довольно много европейцев умерло, и все в очень короткое время; после 3, 4 часов наступала смерть. Один из пассажиров, которые присоединились к нам из Самаранга, потерял в продолжение немногих дней жену и 2 детей.

19 <декабря>, пятница. Пришли в Сурабаю. С г-ном К. отправился на берег. Вдоль реки Кали Мас (Золотой реки) тянется длинная дорога, обстроенная с одной стороны домами, другая образует набережную. Проехав ряд построек, принадлежащих Адмиралтейству и порту, мы проехали мимо цитадели, потом через арабский и китайский квартал добрались до площади с ратушей. В одной из ближайших улиц я оставил г-на К., который, как большинство пассажиров, остановился в Hotel de la Marine в нижнем городе; сам же, не желая оставаться в нездоровом квартале города, предпочел другую гостиницу, которая находится выше в городе, там, где европейцы построили дома для своих семейств и где обыкновенно живут, отправляясь (отправляясь *читается предположительно*) на несколько часов дня в свои бюро в город. Эта часть Сурабаи называется Симпань. Кроме маленькой комнаты, все было занято. Не желая возвращаться в нижний город, я занял ее, но вечером г-н Матцен предложил переехать к нему, что я принял.

20 <декабря>. Целый день оставался в комнате, сидел или лежал на диване. Узнал несколько обычаев, которые между прочими исчезают понемногу.

<1> Есть вероятие, что и на Яве существовал обычай, подобный «табу» полинезийцев; например, если начальник (*Далее зачеркнуто:* или глава) деревни или какое-нибудь важное лицо входит в хижину человека низкого происхождения совершить coitus с женою последнего, то туфля начальника, оставленная у порога, запрещает мужу вход в хижину.

Есть также знаки, которые выставляются, когда обитатели оставляют свое жилище незапертым.

2) Во время первой беременности, для того чтобы роды обошлись бы благополучно и чтобы ребенок оказался бы здоровым и красивым, муж укутывается в мешок, спускается в колодезь и, окунувшись в воду, разрезает в длину и разом ножом мешок и выходит из колодца.

3) Во время родов муж не колет ни одной птицы и не режет ни одного животного.

4) Во время рекул женщина не должна прикасаться к мясу, которое от того портится, и не входит в кухню (*Далее было начато и зачеркнуто*: Встал в 6 часов, уложив вещи наши) .

Вечером видел Дг. Джемса, который нашел состояние печени неудовлетворительным и настоятельно советовал вернуться в Европу или отправиться в Австралию. Уверял, что не выдержу путешествия в Новую Гвинею. Я решил, однако ж, иначе. Увидим! Написал вечером г-ну Л.

21 (*декабря*). Отправляясь утром на пароход, я взял ночью пришедший из Бюйтенцорга пакет, который, к моему удивлению, заключал дождевое пальто и, к моей радости, портрет Л.! Спасибо ей! Послал телеграмму в Бюйтенцорг.

Хорошая погода. Устроился удобно в 2 каютах.

22, 23 <*декабря*>. Макаassar. Послал рекомендательное письмо губернатору Баккерсу и получил приглашение провести у него в доме 2 дня стоянки.

Отправился в гостиницу к г. Беккари и, не застав его дома, остался ждать его. Послышались скорые шаги, и человек лет 30, невысокого роста, с оживленным приятным лицом, вошел в комнату. Мне было интересно расспросить его о многом. Мы вернулись на пароход, где позавтракали . Главная задача его путешествий — собирание ботанических и зоологических коллекций. Позднее время монсуна (апрель) помешало ему в 1872 г. спуститься к Утанате. Потом болезнь Альбертиса еще более расстроила его планы. Но он, кажется, доволен путешествием. Он отправляется теперь в залив Канари и, может, в следующем году, в октябре или ноябре, к реке Амбер, южнее Гельвинка-залива.

Вечер провел у губернатора, жена и дочь которого, кажется, кроме малайского и немного голландского, никакого другого языка не понимают.

24 <*декабря*>. Утром отправился к королю Гоа, который прежде, в прошлом столетии, был очень могуществен, теперь он живет в небольшой бамбуковой пристройке небольшого некрасивого каменного дома. Он был очень любезен, приглашал вернуться в месяце июне и июле, чтобы поохотиться на оленей . Насмотревшись в продолжение часа на него, его свиту и его помещение, я с радостью вернулся. Секретарь губернатора, однако же, при возвращении успел надоеть своей болтовней.

Баккерс, проведши безвыездно 37 лет в Макассаре, хорошо знает эту часть Целебеса. Не входя в рассуждения, «амок» — болезнь или нет, уверял меня, что встречается только, когда замешаны женщины или петуши бои и игра .

25 <*декабря*>. В 6 часов оставили Макаassar. Беккари пришел на пароход проститься, оставил мне несколько брошюр. Г. Н. (Г. Н.— *монограмма*) перевела глупые невероятно письма Назимова. Жаль, что пустяки эти удостоились быть переведенными на прекрасный итальянский язык, и перевела такая хорошая женщина .

Вечером несколько пассажиров просили меня посмотреть заболевшую женщину. Оказалась холера. Принял меры.

26 <*декабря*>. Хорошая погода и красивая местность. Вечером сильный пароксизм. У женщины была холерина , поправляется.

27 <декабря>. Пришли в Купанг . По болезни не мог съехать. Довольно печальный городишко, однако же, не бедный — много китайцев.

28 <декабря>. Сильный прибой помешал съехать. Пароход вошел в проход между Тимором и о. Семоу, чтобы укрыться от сильного NW. Много дождя, несколько раз в продолжение дня. Жаль, что не видал папуасов.

30 <декабря>. Ночью пароксизм. Женщина, больная холериною, умерла в 4 часа ночи. Бросили за борт. Голова болит, лень, хандра. Думаю часто о Бюйтенцорге. Целый день качка порядочная.

Делли довольно красивое местечко, много зелени, горы, порядочная гавань, отделенная от пролива рифом . Пароксизм ночью помешал мне съехать, но между людьми, которые в пирогах окружали пароход, нашелся один с характеристичною папуасскою физиономиею и волосами, которые в виде шиньона возвышались над головою. Капитан и несколько пассажиров заставили его взойти на палубу, где я его срисовал. Форма черепа оказалась долихоцефальная, цвет кожи коричневый, волоса курчавые, представляя немного большие завитки (*На полях карандашный набросок завитка*) (Ringelung), чем у папуасов Берега Маклая. Толщина волос была различна, и также толщина отдельного волоса при сгибах волос была тоньше.

Интересно было бы познакомиться с обычаями этих людей.

31 <декабря>. Завтра придем в Банду. Между солдатами еще один заболел холерою. Бывшие вчера в Делли пассажиры рассказали мне, что на днях там случилась курьезная история. Доктор, молодой человек, почему-то недовольный новым губернатором, вздумал отделаться от него, для чего подкупил солдат, чтобы они убили (*Было: зарезали*) губернатора. Заговор был открыт, кажется, самими подкупленными. Доктора заковали в цепи, и он должен будет отправиться для процесса в Португалию.

В Делли хороший кофе и, говорят, отличные мандарины, которых, однако же, нельзя было достать.

Вечером пароксизм. Пассажиры забавлялись игрою в карты, шампанским и фейерверком. Я встретил Новый год в каюте при сильной лихорадке (*Было: сильном пароксизме*).

<1874 год>

Январь, 1. Банда. Утром бросили (*Было: пришли*) якорь в красивом бассейне, окруженном живописными островами Архипелага. По случаю больного холерою солдата пришлось выдержать глупый, не имеющий никакого значения, 24-часовой карантин.

2 <января>. Виделся с г. де-Бордес и г. Ланцем. Встретил неожиданно г-на фон Буггенхагена из Менадо. Провел полдня у ассистента резидента. Хорошенькая Корнелия.

3 <января>. Утром Амбоина. На пароходе познакомился с резидентом г. ван-Бус-Лётхес, который, прочтя письмо г.-губернатора, пригласил меня жить (*Было: к себе*) у него в т. н. Бату-Гадья.

Переслав вещи на берег, перебрался вечером сам к резиденту.

4 <января>. Писал письма г.-губернатору, Дитриху, Фольцу и Rosenwald'у и статью об обычаях папуасов и письмо (о присылке в мае месяце) денег. Вечером познакомился с M-me Kraal.

5 <января>. Разбирал вещи. Вечером сделал визит. Mr. и m-me Kraal оказались очень любезны и милы.

6 <января>. Отправился вечером с резидентом к г. Хуту (Hoet), который запросил за свою шкуну (12 человек) «Амбоину» 750 fl. и, кроме того, по крайней мере считая три месяца ()Фраза в дневнике не закончена..

7 <января>. Здоровье плохо, лихорадка и боль правой стороны. Вечером зашел к Dr. Kusemann'у, порядочному человеку.

8 <января>. Г. Крааль прислал людей, которые были с Беккари. Давиду придется платить 25, Иосифу — 15. Вечером зашел с резидентом к другому брату Хуту — коллектору.

9 <января>. Здоровье плохо.

10 <января>. Отправился в больницу, где участвовал при осмотре публичных женщин. Оказались 3 папуаски, которых следующую субботу буду мерить и рисовать.

Вечером, возвращаясь из клуба, заблудился и промок.

11 <января>. Утром с г-ном и г-жой Крааль отправились в шлюбке на коралловый риф. Добыча губок изрядная. День провел над губками и перепискою словарей, вечер у г-на Кг.

Боюсь, чтобы нога не разболелась снова, как в Бюйтенцорге.

12 <января>. Здоровье плохо.

15 <января>. Пориост костей, которые подчас сильно болят, так что чувствуешь боль во всем теле, сильно вспух. Колотье и боль печени более чем чувствительны.

Днем нет положительно никакой охоты что-нибудь делать, ночью не знаешь, как лечь и повернуться без боли, не могу притом спать!

Думаю сделать завещание, г. и г-жа Кр. очень любезны и добры.

21 <января>. Вот уже более недели, как почти все время провожу, лежа или в постели, или в длинном кресле. Лихорадка, печень, кнокель курс и раны на ногах поочередно или иногда вместе надоедают положительно.

Лень за что приняться.

Второе путешествие в Новую Гвинею

1874 <год>

Из Амбоины на Берег Ковиай в Новой Гвинее

Благодаря письму генерал-губернатора и любезности г. резидента Амбоины мне был предоставлен большой казенный кутер, так называемый крьюзбот, для переезда из Амбоины на острова Серам-Лаут, откуда я надеялся найти возможность отправиться в Новую Гвинею. В Амбоине я нанял для предстоящего путешествия двух слуг, амбоинских христиан: Давида Хукома, человека лет 35, как охотника и главного доверенного человека, и Иосифа Лописа, лет 28, как повара и также умеющего порядочно стрелять. Первый сопровождал уже прежде несколько естествоиспытателей, как д-ра Берштейна, д-ра Розенберга, и умел порядочно готовить кожи (*Кожи легко зачеркнуто карандашом, вписано: шкурки*) птиц. Вторым был в этом отношении еще homo novus (*Здесь — «новичок» (лат)*), но открытая физиономия его мне понравилась, и я взял его, в чем потом не имел причины раскаяться. Кроме того, меня сопровождал папуасский мальчик Ахмат.

14 февраля. Занятый весь день укладкой вещей, отправкою их на кутер и несколькими прощальными визитами, в 11 часов вечера я выехал из Бату-Гадья (Камень-слон — резиденция бывших губернаторов Молуккских о-вов и теперешних резидентов Амбоины, названная Бату-Гадья, потому что вода великолепного источника в парке резиденции вытекает из камня, высеченного в форме головы слона) (дома резидента). Заехал в клуб проститься с г-м Д. и был на кутере в 11 3/4 часа, так что ровно в 12 часов был поднят якорь и мы поплыли. Я сейчас же спустился в каюту и лег.

15 февраля. Отлично проспав всю ночь, проснулся очень поздно от такого толчка, что еле удержался на койке. Качка была очень сильная для небольшого судна, сидеть на палубе было невозможно, так как волны поминутно хлестали через борт. К вечеру немного стихло, и я вышел на палубу; мы проходили о. Сапаруа.

16 февраля. Вечером, около залива Хая.

Так как я уже отдохнул от последних дней в Амбоине и сплю менее крепко, чем в первую ночь, то чувствую укушения муравьев, и меня будят большие черные тараканы, пробегая по рукам и лицу.

17 февраля. Ветер совсем стих, но качка продолжается. Мы все еще у залива Хая. Живописный берег.

18 февраля. Сильная качка. Толчемся и плохо продвигаемся вперед.

19 февраля. К 8 часам утра открылся о. Гесир, но по случаю маловетрия и сильной качки бросили якорь около деревни не ранее 11 часов. Как только это было сделано, несколько малайских шлюпок, из которых две или три были под голландским флагом, приблизились к кутеру, и главнейшие начальники окружающих деревень, как радья (Я пишу, следуя малайскому произношению, «радья», а не «раджа», которое некоторые русские авторы пишут, следуя английскому произношению слова) муда Кильвару, радья Амар, оран-кая Кваус, майор Гесир, приехали узнать о причине прихода правительственного судна. Показав письмо от резидента, я объяснил дело, которое привело меня сюда. Сказал, что мне необходимо сегодня же малайское прау для того, чтобы отправиться в Новую Гвинею, и человек 15 или 20 людей. Я прибавил, зная характер малайцев, податливый только в случае полнейшей необходимости, что мне нужно это сегодня же, и, не отпуская начальников на берег, стал расспрашивать и записывать, сколько каждый из них может доставить мне людей. Я приказывал всем от имени резидента Амбоины и генерал-губернатора Нидерландских Индий. Анакода (малайский шкипер кутера), имея в виду то обстоятельство, что если я скоро найду себе подходящее судно, он будет в состоянии

вернуться в Амбоину, поддакивал каждому моему слову, и мы вместе привели начальников в такое лихорадочное состояние, что они, чтобы отделаться от такого кошмара, согласились сегодня же показать мне несколько подходящих для путешествия прау и сегодня же доставить мне, если захочу, всю команду. Мне надо было выбрать «капала-оран» (главного человека над людьми, которых я хотел взять), и, оглядев внимательно физиономии начальников, из которых один, по письменному приказанию из Амбоины, должен был сопровождать меня в Новую Гвинею, я выбрал того, чья физиономия показалась мне самой красивой и интеллигентною, несмотря на то, что к ней примешивалась значительная доля плутовства. Радья Амар, которого я хотел взять с собой, однако ж, отговорился тем, что никогда не бывал в Новой Гвинее, мало знает о ней, а главное потому, что только несколько месяцев тому назад лишился отца и только что вступил в управление своим островом. Он предлагал, поддерживаемый остальными начальниками, другого, бывшего не раз в Новой Гвинее, именно Санггя, брата майора Гесира. Мы условились, что я к 5 часам съеду на берег для дальнейших переговоров и для осмотра прау; затем я отпустил их со словами, что мне все надо сегодня же!

После сиесты к 5 часам съехал на берег в сопровождении анакоды и Давида и Ахмата; меня встретили майор Гесир, его брат, которого он мне представил, радья Амар и толпа малайцев. Мы осмотрели 3 прау: одна была слишком велика, другая ветха, третья, хотя очень невелика, более подходила к моим требованиям. Это был т. н. урумбай, принадлежащий дер. Гесир, которого за вознаграждение майор Гесир согласился предоставить в мое распоряжение, но в том только случае, если я возьму брата его с собою. Я поглядел на Санггя — рожа была некрасивая, с хитрым, но не глупым выражением лица. Предпочитая иметь дело с плутоватыми, но не глупыми людьми, я почти решил сейчас же, что дело с урумбаем может быть улажено, но не сказал этого и отправился к дому майора Гесира. Здесь я собрал всех начальников, объявил им, что мне нужны 15 или 16 человек, и предложил, чтобы за известную плату за каждого они выбрали бы между людьми своих деревень по несколько волонтеров, готовых сопровождать меня на Берег Папуа-Ковиай. Майор Гесир сказал, что я могу располагать пятью из его людей; радья Килу предложил мне взять троих, радья Кильвару — двух, оран-кая Кваус — двоих, майор Кильтай — двух, майор Кефинг — троих, итого 17 человек.

Я поручил радье муда Кильвару, молодому человеку, физиономия которого мне понравилась, сообщить мне, какое количество саго, сушеной рыбы и говядины мне следует взять для прокормления людей, которых будет (считая также моих трех слуг Давида, Иосифа и Ахмата) 19 или 20, в продолжение 5 месяцев. Он обещал сообщить мне смету всего нужного к следующему дню. Я объявил майору Гесиру, что осмотрую его урумбай на другой день, и, простившись с начальниками, вернулся на кутер.

20 февраля. Писал письма в Европу, в Батавию и на Амбоину и вел длинные переговоры об урумбае — людях и провизии для них. Съехал на берег, чтобы осмотреть снова урумбай. Величина каюты мне понравилась; люди мои нашли, что для них всех помещения было также достаточно, и единогласное мнение было, что судно подходящее и надежное для перехода. Одна из выгод было то обстоятельство, что на случай штиля человек 10 могли бы грести. Урумбай имел две мачты с обыкновенным шлюпочным вооружением. Так как урумбай, будучи вытасен на берег уже довольно давно, мог показать течь, то было положено спустить его немедленно в воду. Отправился в дер. Кильвару на острове того же имени. Был встречен моим новым другом Мохамедом, или радья муда Кильвару. Деревня была довольно интересная, но описание ее я отлагаю до другого раза. Я узнал, что мне необходимо будет взять около 15 000 кусков саго, затем достаточное количество рыбы и сушеной говядины, называемой здесь «турумонги». Я

поручил Сангилю, майор-муда Гесир Мохамеду и моим двум амбоинцам купить, принять, сосчитать провизию, уложить ее в подходящее место в урумбае, и все это сделать без проволочек. Положено было принять провизию на другой день.

22 февраля. Урумбай подошел к кутеру, и мои люди занялись переноскою вещей в мое новое помещение. Я продолжал писать мои письма, а после сиесты записал имена людей, которых я беру отсюда. Имена эти следующие [...] (*В РПТ здесь оставлено место для имен*). Таким образом, экипаж урумбая был довольно смешанный, так как между моими слугами были люди из Амбоины, бугисы, но родившиеся на островах Серам-Лаут, полукровные малайо-папуасы и двое чистокровных папуасов. Прибыв с урумбая, который утром, отойдя от кутера, бросил якорь на некотором расстоянии, Давид сообщил мне, что было принято 16 250 кусков саго, достаточно сушеной рыбы и говядины, всего на сумму 150 голландских флоринов. Я дал 20 флоринов задатку за урумбай, наем которого на время путешествия на берег Ковиай стоил 50 флоринов, и по 2 флорина каждому человеку, нанятому на 5 месяцев за 10 флоринов.

23 февраля. Кончил письма к Географическому обществу и частные в Европу и Батавию и, вложив их вместе с оставшимися деньгами в пакет на имя резидента Амбоины, передал его анакоде кутера, прибавив, что мне более его не нужно и что он может вернуться в Амбоину. Сам же, удостоверившись переключкою, что все люди налицо, также поднял якорь.

К 9 часам прошли мимо Мар, красивой деревушки на островке, местожительства радьи Лодо. К ночи бросили якорь около о. Горам.

24 февраля. Посетив несколько деревушек на о. Горам, я снова отправился в путь к 12 час. пополудни и после довольно удачного плавания пришел вечером в Ватабелла.

25 февраля. Остров Ватабелла. Даже тот, кто имеет только рудименты чувства прекрасного, должен отдать справедливость, что некоторые местности этого островка представляют очень удачные группы скал и тропической растительности. Кокосовые пальмы, бананы, панданусы, разные ароидные растения, лианы своими разнообразными формами покрывают почти что отвесные скалы и растут в ущельях, спускаясь до моря.

Когда мы подходили к острову, совсем заштилело. Из моря была вынута почти без сопротивления большая черепаха, ее потревожили в самом акте [...] (*В РПТ далее пропуск. В ПД в этом месте: в акте совокупления*), самец, находившийся внизу, ушел.

Жителей в деревне немного. Между женщинами с малайским типом есть очень высокие, с прекрасными, немного вьющимися волосами, но, к сожалению, с совершенно черными зубами и ртами вследствие жевания бетеля. Есть также много папуасских женщин. Между мужчинами я заметил нескольких с длинными вьющимися в кольца волосами, похожих очень на таитян и вообще на полинезийцев.

У многих были браслеты из золота и серебра. Груды у папуасских женщин такие же конические, как и у папуасок Берега Маклая. На лбу у некоторых я заметил ряд надрезов. Мне объяснили, что их делают при головной боли. Многие были заражены кожною болезнью, которую здесь называют каскадо [...] (*В РПТ оставлено место для названия*).

Язык здесь отличен от диалекта Горам и даже от языка островитян Теор, Кей и Ару. Я заметил несколько очень толстых бамбуков, 17 см в диаметре и 15 мм толщиной. Когда жара начала спадать к 4 часам, я отправился в горную деревню. Тропинка была

живописна, но труднопроходима. Пришлось лазить по отвесной стене с выступами; наконец, у самой деревушки надо было подняться, взбираясь по дряхлой, изломанной лестнице. С верхней площадки вид на море великолепен; отсюда я уже мог видеть высокие горы Берега Папуа-Ковиай. Вокруг площадки стояла полдюжина хижин. Несколько гробниц находилось на самом краю отвесной стены, которая опускалась высоким обрывом прямо в море. Вернулся вниз по другой тропинке.

26 февраля. При попутном западном ветре направились мы часов в 7 утра к берегам Новой Гвинеи. Кругом горизонт был обложен серыми тучами, дождь шел часто. Ветер стал крепнуть к полудню, потом, после проливного дождя, заштилело. Сильная качка была крайне неприятна. Течением нас несло на N. К заходу солнца о. Ватабелла виднелся очень ясно. К 8 часам ветер от WSW стал очень силен; пришлось взять по рифу у парусов. Ветер и волнение усиливались. Вода вливалась в мою каюту даже в окна. Ветер стал попутный. Налетел шквал, разорвал в клочки кливер; волною залило маленькую шлюпку, купленную мною в Гесире, она оторвалась и была унесена или затонула. Каждую минуту можно было ожидать, что вал вкатится с кормы и затопит урумбай. Ветер все крепчал, приходилось зажигать фонарь каждую минуту, чтобы смотреть на компас.

В это критическое время я заметил, что рулевые совсем обезумели от страха, и при отблеске фонаря, который сейчас же потух, я увидел, что один из них лежит на коленях и, упрятав лицо в руки, молится, вместо того чтобы делать свое дело. Схватив револьвер, я пробрался к нему, поднял его голову и, приложив револьвер к его уху, сказал: «Завтра можешь молиться, теперь, если не будешь править, как следует, я тебе всажу пулю прямо в лоб». Когда выстрел раздался у самого уха, рулевой понял, что, пожалуй, мой револьвер может оказаться для него более опасным, чем ветер и волны, и стал просить, чтобы я не сердился.

К 12 часам снова сильный шквал с дождем привел урумбай в очень серьезное положение. Кроме дождя, который лил ливнем, волны часто заливали урумбай. Приходилось иметь постоянно несколько человек для отливки. Я не был уверен, что какая-нибудь волна не зальет нас окончательно. Я, разумеется, не спал всю ночь. Я не мог доверять рулевым; так как все небо было покрыто темными облаками, то для соблюдения курса единственным средством был компас. К рассвету новый шквал, но не такой сильный. К восходу солнца я имел удовольствие убедиться, что, несмотря на плохую ночь, мы все-таки оказались очень недалеко, но немного на N, от мыса Van den Bosch. Затем о. Ади показался к 9 часам.

К 10 небо прояснилось и свежий W стал быстро подвигать нас вперед. Около 3 часов при сильном попутном ветре и сильном волнении мы прошли чрез пролив Nautilus, и здесь нас чуть не залило попутной волною. Зайдя за о. Ади, мы очутились как бы в большом озере. Бросили якорь. Жителей на берегу не было видно. Вечером слышно было несколько как бы человеческих криков, но я не уверен, что это были люди, а не голоса птиц. Ночью пошел снова дождь.

Берег Папуа-Ковиай в Новой Гвинее

(февраль, март, апрель 1874 г)

28 февраля. Направился к о. Наматоте. Было жарко, и ветер был сперва очень слабый от N. Отойдя от о. Ади, W и WSW стал свежеть. Горы около Triton Bay были покрыты облаками, и кругом висело много дождевых туч. К вечеру мы подошли к Наматоте. На берегу вдали показался огонек, который сейчас же скрылся; вероятно, жители испугались звука барабана и песен на урумбае, которыми мои люди воодушевляют друг друга, когда

гребут. При лунном свете можно было видеть, что скалы покрыты наверху растительностью. В некоторых местах они представляли отвесные стены. По временам замечательно громкое эхо вторило звукам гонга и голосам людей. Группы скал, покрытые богатой растительностью, были соединены песчаными перешейками, и небольшие бухточки вдавались между скалами, представляя удобные убежища для небольших судов, и действительно, серамские прау часто бросают здесь якорь.

Нас окликнула небольшая пирога. Сангиль отозвался, в свою очередь крикнув свое имя, но люди долго не признавали его голоса; однако ж, слыша понятный язык, пирога приблизилась немного, затем другая, большая, с просторною платформою, на которой сидели несколько вооруженных людей, вышла из-за другой скалы. Завязались переговоры, и, наконец, убежденные словами Сангиля и других матросов-папуасов, они подошли к урумбаю, и несколько черных фигур с громким говором влезли к нам, оставив оружие в пироге. Пока здесь шел оживленный, громкий разговор, на пироге послышалось несколько выстрелов: папуасы разряжали свои кремневые ружья, которые они зарядили на всякий случай. Два выстрелили, а третье ружье, несмотря на приложенное старание, не послушалось.

1 марта. Прекрасное утро придавало много красоты скалам и зелени островка Наматоте и красивым горам с величавыми контурами залива Triton. После завтрака, вооруженный записною книгою, зонтиком и револьвером, я отправился в туземной пироге на берег. Сангиль, вооруженный старым тесаком, и Давид с охотничьим ружьем и небольшим каучуковым ковром сопровождали меня. Папуасские пироги следовали за нами. Высадившись у кораллового рифа, я направился к нескольким хижинам, почти скрытым зеленью. При моем приближении две-три женщины с детьми бросились в кусты. Несколько человек вышли ко мне навстречу и привели к месту, покрытому циновками, где я поместился. Мне сказали, что радья муда Наматоте скоро придет.

Деревушка, в которую я пришел, почти не заслуживает этого имени. Всего там было 2 или 3 шалаша и две прау с крышею, вытасченные на берег. Шалаша были очень примитивной постройки и похожи на те, которые я видал в горах Маривелес, у так называемых негритосов о. Люсона. Несколько женщин сидели около них и приготавливали пищу. Между последними находилась одна, очень разговорчивая, из Серама, с длинными прямыми малайскими волосами, последовавшая за своим мужем-папуасом, который вернулся из Серама. Туземцы были не особенно крепки и красивы; у многих заметны были кожная болезнь и раны. Двое-трое папуасских юношей представляли, однако ж, очень порядочные экземпляры папуасской красоты. Курчавые волосы, вившиеся крупными кольцами, указывали на помесь папуасов с жителями Серама и с другими малайцами.

Показалась из-за скалы пирога с большой платформой и высокою мачтою с развевающимся голландским флагом. Несколько человек из нее, завидя меня, поспешили вернуться к пироге, и только громкие крики окружавших меня снова вернули их. Двое шли впереди, один, одетый в красные штаны и куртку, был молодой радья Наматоте, другой, в желтом арабском жилете, с белым платком на голове, рослый, с большим носом и неприятною физиономиею, — майор Мавары. Радья муда был довольно большого роста, с вдавленным носом и неприятным голосом в нос. Нос майора отличался также своею формою: внизу он был очень широк, ноздри почти одинаково высокие, как и кончик носа. Оба они были одеты в малайский костюм. Я им указал на место около меня и объяснил им, что намереваюсь поселиться здесь между ними, месяца на три, и что хочу видеть здесь горы, деревья, животных, людей и хижины их, что хочу также знать обо всем, что здесь делается.

Начались сейчас же жалобы на опустошения папуасами Онин (*В РПТ было сначала Оним, м исправлено на н, на полях против этого слова знак вопроса. В ПД: Оним*) и на войны между деревнями. Мне рассказали, что в январе жители о. Ади, чтобы отомстить за нападение людей Лакаха, наняли людей залива Камрау, которые уничтожили, вырезали людей островов Каю-Мера и разогнали людей о. Айдума. Радья мудра Наматоте предложил мне осмотреть его дом, где я могу, если захочу, поселиться на время пребывания на этом берегу. Я согласился, и мы пошли сперва по лесу, по очень мокрой и неудобной тропинке, потом берегом. Обогнули мысок и оказались между двумя скалистыми стенами. Здесь между кокосовыми пальмами стояли несколько хижин, из которых большая принадлежала радье Наматоте. Недалеко от этой хижины стояли две полусожженные и одна полуразвалившаяся. Две другие, с резными досками, стояли по сторонам высокой платформы из сложенных кораллов. Эти последние оказались гробницами родственников радьи Наматоте. Кубическая куча кораллов была также старая гробница. В одной из хижин (гробнице) находились между травой разные вещи умершего.

Дом радьи мудра был построен из досок и не отличался оригинальностью постройки. Все место с сожженными и развалившимися хижинами и могилами имело запущенный и непривлекательный вид. Затем отсутствие воды (есть один источник очень плохой, полусоленой воды), малость островка как местности для охоты заставили меня совершенно отказаться от мысли поселиться здесь. Я сказал, что намерен отправиться в Айдуму. Видя, что нет возможности уговорить меня остаться жить в Наматоте, радья мудра перешел к вопросу, есть ли у меня ром или gin, которые, по его словам, папуасы здесь очень любят. Я ответил на это, что пить ром нехорошо, для его людей будет лучше, если они никогда не будут пробовать этих напитков.

Отправились на о. Айдуму и бросили якорь к 4 часам около большой старой хижины. Около нее стояла другая, поменьше, как оказалось, также гробница. Ни души кругом не было видно и не слышно. Большая хижина была слишком ветха, чтобы жить в ней; поправить же ее было труднее, чем выстроить новую.

Отправился далее. Прошли мимо двух шалашей, тоже покинутых. Солнце уже заходило, когда я снова отправился на другую сторону бухты Тритон, к о. Мавара. Эти острова очень скалисты. Скалы эти возвышаются стенами и башнями и покрыты местами роскошною растительностью.

Когда взошла луна, мы бросили якорь у юго-западной оконечности о. Мавары. Маленькая хижина, окруженная зеленью, стояла между отвесными скалами. Виднелся огонек на берегу, который сейчас же потух, как только заслышались голоса на урумбае. Было довольно очевидно, что нас не сочли за прошенных гостей. Я не захотел тревожить их и приказал не съезжать.

2 марта. Утром рано отправился к хижине; при моем приближении несколько женщин выбежали оттуда и бросились в лес.

Кучи раковин лежали в разных местах около хижины, как бы показывая, что богатство экваториальной растительности не дает человеку достаточно пищи. Ему приходится голодать или собирать по рифам мизерно маленьких безвкусных моллюсков. После завтрака отправился в Лобо посмотреть на местность, где голландцы 46 лет тому назад думали основать колонию, так называемую форт Du Bus, которая просуществовала очень недолго и превратилась в кладбище со многими сотнями могил. Подъехала пирога, и вышедший из нее на урумбай худощавый длинноволосый старик оказался радья Айдума, который должен был покинуть вследствие нападения людей Телок-Камрау свой остров.

Он плаксивым тоном рассказал мне свое несчастье. Чтобы иметь более определенное понятие о войнах между туземцами, я стал допытываться (к сожалению, при помощи переводчика Сангиля, так как радья Айдума почти что не понимал малайского языка) о числе напавших. Оказалось, что людей Камрау было около 100 (даже и эта цифра, вероятно, преувеличена); убитых людей в Каю-Мера было 10, раненых 10 или 12. Из этого видно, что войны эти не что иное, как совсем ничтожные стычки, но несмотря на то, они — главная причина кочевнического образа жизни туземцев и малочисленности их селений, которые, как я уже сказал, очень мизерны. Поселись они большим селением, оно скоро было бы разграблено и разорено соседями, главным образом ради добычи. Постоянные опасения быть убитым и ограбленным принуждают туземцев жить преимущественно в своих пиробагах, перекочевывая с места на место. Радья Айдума захотел сопровождать меня, и его пиробага, в которой находилась его семья, состоящая из двух женщин и двоих детей, последовала за урумбаем. Я приказал дать им рису и саго, чем радья и его жены остались очень довольны.

Почти совершенный шторм прерывался иногда довольно сильными порывами ветра; при одном из таких порывов, когда урумбай сильно и неожиданно накренило, Ахмат, сидя на невысоком борту, занятый едой, не успел удержаться, вверх ногами полетел в воду. Разумеется, он без труда был вытасчен, весь мокрый, при общем хохоте. Около часа пополудни подъехали к берегу, у самого того места, где расположен был форт Du Bus, основанный в 1828 г. Местоположение очень красивое: большой, глубокий бассейн, замкнутый со всех сторон горами, расстилается у подножия живописной, очень крутой горы Ламансиери. Горы здесь так круты, и при сильных дождях в море стекает так много воды, что можно черпать пресную воду на его поверхности. Это мне сказал радья Айдума и подтвердили несколько других туземцев.

Берег был покрыт высоким лесом, и положительно нигде не было заметно ни малейшего признака колонии, существовавшей здесь 45 лет тому назад. Между туземцами сохранилось, однако ж, воспоминание о ней. Несмотря на жару полдня, я высадившись около группы кокосовых пальм, и старик радья Айдума взялся показать мне остатки «рума бату оран Голланда» (каменных домов людей Голланда, или голландцев). Пройдя несколько шагов, мы наткнулись на 4 могилы туземцев, состоящих из небольших построек из кольев и «атапа» наподобие маленьких хижин (около 2 м длины, 1 м ширины и 1 м вышины). В одной из них находился еще «татумбу» (умерший). Тропинки никакой не было. Позвал Иосифа и Ахмата, которые, по указаниям радьи Айдумы, стали прорубать парангами (большие малайские ножи) путь. Мы наткнулись скоро на каменный пьедестал, на котором стоял полусгнивший толстый столб; подходя к пьедесталу, я почувствовал под ногой что-то твердое и гладкое, которое издало при соприкосновении с гвоздями каблуков металлический звук. Мои люди расчистили хворост и сухие листья, и под этим слоем оказалась овальная массивная чугунная доска, на которой, когда ее повернули на другую сторону, показалось изображение нидерландского герба. Сгнившее дерево столба не могло выдержать тяжести гербовой доски, которая, вероятно, уже много лет как упала и покоилась на земле. Я приказал отчистить ее и приставить в полулежащем положении к остатку столба.

Между тем Ахмат, следуя за радьей Айдумы, проложил дорогу к так называемым «рума-бату». Это были 2 четырехугольных фундамента, построенных из кораллового известняка. Большие деревья росли посреди их, и фундамента были почти что скрыты растительностью. Несколько толстых пней когда-то срубленных деревьев пустили новые ростки и в свою очередь превратились в деревья; они также являлись остатками бывшей здесь колонии. Было сыро и очень жарко в лесу, и так как осматривать ничего более не было, я решил идти в туземное селение, которое, по словам радьи, было недалеко; я был,

однако ж, неприятно изумлен тем, что нам пришлось пройти 3/4 часа, чтобы добраться до него. Сперва надо было пройти через болото, перебираясь по корням мангров, потом через ручей, затем вверх на крутой холм, на котором была разведена небольшая плантация бананов и сладкого картофеля. Солнце так пекло и не было ни малейшей тени, так что, измученный, я спустился к двум хижинам, очень убогим, но расположенным в тени и у самого моря. Эти хижины были убежищем радьи Айдумы после нашествия людей Телок-Камрау.

Расположившись на циновке и отдохнув немного, я стал рассматривать хижину, хотя и это имя для нее слишком претенциозно. Она стояла на кольях, имела очень дырявый пол, еще более дырявые стены из атапа, коры, была менее чем 1 м вышины, так что стоять в ней могли одни только дети; внутри, однако ж, были сделаны несколько отделений при помощи отгородок; небольшой навес перед хижинкой служил спальнею свиты радьи Айдума. Старик снова затянул свои ламентации и объявил мне, что желает поселиться со своими подданными там, где я останусь. На это я не сказал «нет», потому что я не прочь иметь постоянно объекты для моих антропологических наблюдений и, разумеется, люди Айдумы, если поселятся около моей хижины, будут скоро моими слугами и могут служить мне проводниками по окрестным горам и лесам. Я увидел здесь двух так называемых вуоусирау, жителей гор Камака. Они были совсем схожи с прибрежными жителями, и один из них был светлее всех остальных окружавших его папуасов.

К 6 часам я вернулся на урумбай, и мы снялись. Заштило, так что пришлось грести всю ночь, что, однако ж, мои люди делали только от времени до времени, прерывая это занятие сном. Три пироги с женщинами и детьми следовали за урумбаем...

Местность очень живописная, жалко, что здесь легче умирать, чем жить. Между туземцами я видел устрашающие формы болезней, вероятно, занесенные сюда малайцами при их ежегодных посещениях этого берега.

3 марта. Из залива Уру-Ленгуру мы вошли в большой спокойный бассейн, затем через узкость в другой, затем в третий. Направо лежал материк Новой Гвинеи, налево — архипелаг красивых, но необитаемых скалистых островков.

Это одна из самых красивых местностей Ост-Индского архипелага. Известковые скалы представляют большое разнообразие форм и, будучи размыты прибоем, образуют длинные пещеры до 2 м глубины. Во многих местах подмытые скалы обваливаются и, представляя среди зеленого покрова леса белые и желтые пятна, разнообразят физиономию пейзажа. Встречаются также обвалы на самых вершинах гор, и следы их заметны в виде длинных полос поломанных и вырванных обвалом деревьев. Такие полосы можно проследить в некоторых местах до самого моря. Курьезную форму представляют небольшие островки, которые от действия прибоя и размытия скал у поверхностей воды принимают вид пирамидальных грибов.

Так как этот проход между архипелагом Мавара и материком Новой Гвинеи не был еще обозначен на картах, то я назвал его на моей проливом вел. кн. Елены, в воспоминание любезного гостеприимства и нескольких приятных недель, проведенных мною во дворце ее и. в. вел. кн. Елены Павловны в Ориенибауме осенью 1870 г.

К 10 часам мы подошли к селению Мавара, состоящему из двух хижин. Мне и этот островок не понравился как местожительство. Вечером переправились на противоположный берег, в местность, называемую туземцами Айва. Я здесь, может быть, останусь, так как Айва находится на материке, что в отношении фауны для меня важно.

Место красивое, и я не нахожусь вблизи уже занятого другими участка. Меня не будут, стеснять, и я не буду мешать другим.

У Давида сильно вспухла рука при значительной лихорадке. Сам я часто чувствую боль в ногах и неприятно-болезненное ощущение во всем теле.

4 марта. Не желая далее терять время, я выбрал место для хижины на уступе скалы с красивым видом на море. Так как место, выбранное мною, было покрыто лесом, то я без отлагательств приказал расчистить площадку, на которой обозначил место для будущей хижины. Сегодня ограничили площадкою и прокладкою тропинки к ней.

5 марта. Постройка идет хорошо вперед. Папуасы, даже женщины, помогают моим людям.

6 марта. Кончили к вечеру крышу и стены, остаются полы обеих комнат. Вид из моей двери и окна на острова Мавара, Айдума и др. и на море великолепен.

7 марта. На 4-й день мои люди кончили хижину. Она разделена на две половины или комнаты; состоит из передней, моей комнаты с двумя окнами и с дверью и другой, почти что вдвое большей, для моих людей. Окна в последней они нашли для себя лишними, так что свет в нее проникает только через дверь.

Моя комната имеет 4 1/2 м длины и 3 1/2 в ширину. Ставни и даже дверь опускаются сверху. Сегодня же перенесли все вещи из урумбая. Мои люди выгружали, а туземцы носили, выговорив себе в подарок две больших бутылки джину, которые я принужден был им дать, так как они отказывались от всего остального. Они так усердно помогли моим людям при постройке хижины, что мне необходимо было дать им что-нибудь, хотя я жалел, что пришлось дать джин, который я собственно привез для консервирования зоологических объектов, а не для потворства дурным привычкам туземцев. Они распили одну бутылку перед моею хижиною, сперва морщась, затем с видимым удовольствием, и стали так веселы, так кричали, пели, плясали до того, что мне пришлось предложить им отправиться к своим баракам, которые они расположили на песчаном берегу у самого моря. Но и оттуда голоса их долетали до меня, и к этому гаму они присоединили еще выстрелы из своих кремневых ружей, так что я послал спросить, что случилось, вовсе не думая, что эти выстрелы служили выражением приятного расположения духа туземцев.

У многих туземцев здесь волоса не курчавые, а просто вьющиеся кольцами; у некоторых почти что плоские. Бывает так, что у одного отца, настоящего папуаса, дети — одни с мелкокурчавыми волосами, другие — с крупными кудрями, и всех их добродушный папаша считает своими.

8 марта. Наконец, могу сказать, что я снова житель Новой Гвинеи. Целый день устраивался в хижине и нахожу, что помещение довольно комфортабельно. Пришедшие туземцы рассказали мне, что дней 5 тому назад, именно в день, когда я выбрал эту местность для постройки моей хижины, жители Телок-Камрау убили одного человека о. Наматоте с женою и детьми. Это случилось очень недалеко отсюда, в Телок-Бичару. Необходимо здесь быть настороже.

9 марта. Ночью я был разбужен криками, похожими на завывание собаки. Мне, однако ж, объяснили, что это были голоса туземцев, поселившихся на песчаном берегу в Айве, которые, боясь нападения алифуру (Оран-алифуру — название, распространенное у малайцев, жителей Серамы, и перенятое также и здешними жителями вообще для

обозначения туземцев гор или материка, в отличие от жителей прибрежных), перекликаются или показывают, что находятся настороже. Лил сильный дождь. Наконец, крики усилились, послышалось много голосов. Немного погодя раздался выстрел. Я встал и вынул из ящика ружье. В эту ночь, однако ж, ничего более не случилось.

Утром мне сказали, что оран-алифуру бродили всю ночь в окрестностях и один из моих серамских папуасов выстрелил из ружья, чтобы немного успокоить очень уstraшенных жителей Айдума, которые к пушечному страху видели чужую собаку — верный признак, по их мнению, что алифуру находятся где-нибудь вблизи и высматривают случай и время для нападения. Пришли радья Наматоте и другие начальники, просясь в отпуск на несколько дней; я согласился. Пять пирог ушли по разным направлениям.

Чувствую большую слабость в ногах, левая рука сильно болит. Она совершенно бессильна.

10 марта. Записывал слова диалектов Серама и Айдумы. Много слов общих. Положительно большинство папуасских слов я не мог верно произнести. Я слышал разницу, но не мог привести лагупх (*Гортань (лат)*) и язык в надлежащее положение, чтобы выговорить правильно папуасские слова.

Капитан Ройер, командир парохода «Этны» , говорит, что жители Наматоте и Лакахиа ненадежны (вероятно, по словам спутников своих, тидорского принца Амира и др) и, напротив того, хвалил людей Камрау и Каймана. Теперь же наоборот, все папуасы, а за ними серамцы называют людей Камрау и Каймана разбойниками.

Я же уверен, что все они ненадежны. Туземцы здесь сами говорят, что оран-папуа убивают людей, чтобы завладеть их вещами, и тот же радья Айдума, который жалуется на нападения людей Карас и Камрау, сопровождал тидорские хонги (Хонгами называются морские экспедиции, предпринимаемые султанами Тидора и Тернате для собирания по берегам Новой Гвинеи дани, которую выше названные султаны считали себя вправе взимать), чтобы убивать людей Лакахиа, жечь их хижины и разорять плантации. Этого еще там не забыли, почему Сангиль и радья Наматоте не советуют мне брать с собою радью Айдума в Лакахию, а то туземцы там будут опасаться меня или нападут на нас, желая собственно отомстить старому радье.

Последние дни дождь шел несколько раз каждый день.

11 марта. Нездоров, лихорадка.

13 марта. Ахмат болен сильною лихорадкою, жар почти не уменьшался всю ночь и в течение дня, несмотря на приемы каломеля и хины.

Охота довольно удачна: кроме трех птиц, Давид принес мне большого кенгуру, старого самца. Эти животные не влезают на деревья, как говорит S. Muller . Я отпрепарировал скелет и сохранил сердце и мозг. Мясо превосходно. Папуасские начальники из подражания серамцам не едят кенгуру.

14 марта. Отправился посмотреть, откуда мои люди берут воду. Я пришел к небольшому озеру, окруженному лесом, а с двух сторон высокими скалами. Местность была очень живописна, но не особенно безопасна. Сопровождавшие меня матрос и Давид сообщили мне, что в озере много крокодилов, и не успели они сказать это, как у противоположного берега мы услышали плеск воды и увидели голову большого крокодила, который только

что с берега спустился в воду. Я был совершенно без оружия, но мои люди имели в руках по большому малайскому парангу. Подвигаясь, мы стали внимательнее оглядывать края тропинки. Небольшой ручей впадал в озеро, и в этом месте мои люди брали воду, которая, хотя и была пресная, но не могла быть здоровой, протекая в болотистой местности. Воду же озера нельзя пить, так как в высокую воду оно соединяется с одним из многочисленных заливчиков.

Чтобы иметь лучший вид на красивое озеро, я приказал вырубить кусты, прилегающие к скалистому берегу, и при этом мы открыли большую пещеру, очень узкую, но высокую, с большим отверстием наверху, через которое свет падал, проникая зеленую занавесь разнообразной растительности. Во многих местах громадные куски скал, громоздясь один на другой, грозили падением. На стенах были заметны сталактиты, на других — много окаменелостей, которые я не замедлил собрать. Мои спутники наткнулись на кости, и один из них спросил меня, не кости ли это свиньи; но они были человеческие. Многие торчали между камнями, другие едва-едва были прикрыты землею. Судя по величине, это были кости женщины. Я разгреб камни и землю, ища череп, но без результата. В подобных пещерах, как мне объяснили серамцы, туземцы зарывают свои более ценные вещи, боясь нападения хонги, и странствуют в своих пирогах только с самым необходимым из залива в залив; сами же они находятся в значительном количестве, готовы убивать и грабить более слабых. Так, например, в Айве брат радья Айдума убил торговавшего здесь жителя Галела, урумбай этого последнего находится на берегу. По смерти брата своего радья Айдума думает починить урумбай и употребить его при своих странствованиях. Здесь говорят, что этот старик — большой мошенник, что он не раз забирал у макассарских и серамских торговцев значительное количество товаров, а затем скрывался в далеких заливах, не думая уплатить, по обещанию, за взятые вещи. Теперь, при мне, он щеголяет под маскою большой честности.

Многие серамские матросы трусят отправиться со мною в Лакахиа — боятся папуасов, говоря что, в Гесире я нанимал их с целью отправиться в Айдуму и требовал от них только постройку хижины. Это для меня безразлично, так как мне необходимо оставить часть моих людей для охраны хижины и моих вещей. Оставляю здесь не желающих отправиться со мною и возьму только охотников.

15 марта. Оказывается, что белые муравьи проникли в нашу хижину и забрались в несколько ящиков. Пришлось выбрать из них все вещи, разрушить все ходы муравьев и т. д. Ахмату лучше, но он очень слаб.

16 марта. Радья Наматоте принес мне экземпляр [...] (*В РПТ оставлено место для названия. В ПД здесь: Goura Papua*) и молодого *Vuceros*. Первых зовут здесь «титер» и ловят их ловушками, которые расставляют в местах, куда эти птицы обыкновенно прилетают. Ловушка эта носит у туземцев название «эта». Механизм ее весьма прост: палка *f*, на которой лежат легкие палки и хворост, покрывается листьями, падает, когда птица наступает на настилки *g*, тогда *d* выскакивает и осторожно освобождает конец согнутой палки *a*, который увлекает за собою петлю, обхватывающую ноги птицы.

Этот род ловушек употребляется также и в Сераме, где называется «сау-саут» и где ею ловят даже оленей. [...] (*В РПТ оставлено место для названия разновидности голубя*) не встречается в Сераме, но ежегодно вывозят отсюда и с других берегов Новой Гвинеи значительное число их на острова Серам-Лаут, Серам и даже Макассар. Как туземцы меня уверяют, между полами этих голубей нет никакого внешнего отличия.

17 марта. Вчера заболевший Иосиф помешал мне отправиться в горы Камака. Сегодня ему не лучше. Радья Айдума рассказывал между прочим, что в глубь страны по реке Утанате живут люди очень небольшого роста, но большие людоеды: они даже вырывают мертвых и едят их, мозг человека им особенно кажется вкусным. Особенного названия этого племени радья не знал. Вечером имел визит полдюжины дам с о. Наматоте; по случаю визита этого они, кажется, навязали на себя все тряпки, добытые ими от макассарских и серамских торговцев; болтливая женщина из Серама, о которой я упоминал, говорящая по-малайски, служила им переводчицей; они пришли покурить и попросить иголок.

Ахмату положительно хуже: хотя пароксизмы реже и не так сильны, но он крайне слаб, не только ходить и стоять, но и сидеть без помощи не может. Кашляет и жалуется на грудь. Не могу решиться оставить его в таком положении. Отложил поэтому отъезд до послезавтра. Досадно, время идет. Живописный вид из моего окна заставляет меня часто забывать все неприятности ежедневной жизни.

19 марта. Утром во время отлива собрал целую коллекцию губок. Одна особенно заинтересовала меня, так как она составляет положительный pendant (*Пара (фр)*) моей [...] (*В РИТ оставлено место для названия. В ПД здесь: Veluspa Polymorpha*). Ахмату не лучше. Наверяд ли поправится.

20 марта. На горизонте едва заметно показался и вскоре скрылся парус. Сангиль полагает, что это урумбай из Гесира, что капитан Кильтай направляется торговать на берегу Новой Гвинеи, в Лакахию и Утанате. Приказал спустить урумбай: решил отправиться завтра. Ахмату очень плохо, он с трудом и редко говорит, не может без помощи приподнять голову. Мне его очень жаль, но взять его я не могу, а терять долгое время не следует. Был последние дни очень не в духе. Камака и Лакахия развлекают меня новыми впечатлениями.

21 марта. Назначив Иосифа быть главным, так называемым «капала-оран», над людьми, которых оставляю сторожить хижину, я приказал радье Наматоте и радье Айдума также оставаться в Айве. Иосифу я оставил значительное количество хины (малайцы и даже серамцы знают действие этого лекарства и очень ценят его) и попросил его специально, чтобы Ахмат получал исправно лекарство, и позволил ему брать для больного все, что он захочет из моей провизии. Оставив моих 6 людей в Айве, я поднял якорь и отправился.

Мы опять прошли узкости и спокойные бассейны пролива вел. кн. Елены, и опять я любовался красотами пейзажа. Скалы, растительности моря представляли самые разнообразные эффектные комбинации, и опять безлюдность кругом поразила меня: единственная пирога, которую мы встретили, принадлежала одному туземцу из Лобо и его семейству, состоящему из 3 жен, на которых приходился только один ребенок; они скитались от одного пасира (Песчаный берег по-малайски) к другому и на мой вопрос: «Откуда и куда?» — отвечали: «Чари маканан» (ищу что поесть). Если взять всех жителей Наматоте, Айдумы, Лобо, даже с горными жителями маирасис, вуоусирау, не думаю, что наберется много более 100 человек. Кругом горы почти не населены; там и сям встречается песчаный берег (пасир) с кокосовыми пальмами, несомненный признак того, что здесь когда-то жили люди. Туземцы живут больше в своих пирогах, на платформах которых помещается их семья. Пироги эти имеют довольно основательные крыши из кадьян (прочные циновки из листьев пандануса). Подойдя к песчаному берегу, пирога вытаскивается на берег и преобразуется в шалаш, в котором туземцы живут по неделям, занимаясь чари маканан — ловят рыбу, собирают хлебный плод в лесу, ставят ловушки для птиц, иногда даже разводят скрытую в лесу небольшую плантацию таро и сладкого

картофеля, куда они изредка заглядывают, чтобы собрать плоды. На одном же месте они остаются недолго.

Вечером мы подошли к островам Койра в глубине бухты Тритон. На берегу встретили несколько жителей Айдумы, которые были посланы радьей Айдума ожидать нашего прибытия. Один из них, по имени Ямба, отличался своим высоким ростом и значительной силой. Надо было здесь достать проводников, знающих дорогу к озеру в горах, так как радья Айдума и другие береговые папуасы знали озеро только понаслышке. В пироге в сопровождении радьи Айдума, его двоих людей — Ямба и Туррна я отправился в Ломиру, где мы надеялись встретить несколько вуоусирау и уговорить их отправиться с нами.

[22 марта.] Было великолепное утро, и при полном штиле маленькая пирога наша скользила очень быстро под самым берегом; при каждом повороте картина менялась; на отвесных бело-желтых скалах, в которых прибой вырыл себе длинную пещеру, растительность теснилась до самой линии прилива. Старый радья, сидя важно в своем желтом халате, бил в тифу, и ее звуки отдавались сильным эхом из глубины пещеры. В одном месте старик указал мне на небольшое углубление в скале; это была маленькая бухточка, в десятке метров ширины, наполненная подводными камнями и спереди совсем закрытая свесившейся зеленью; вода в этом тенистом, прохладном уголке была почему-то (у меня не было времени остановиться и найти причину) в постоянном движении, и плеск ее при полной тишине утра, повторяемый эхом пещеры, был слышен издали.

Старый радья сказал мне, что это место «помали» и что пирогам не следует приближаться к нему. Он много говорил о нем, но было трудно понять его. Я понял только то, что оно называется Намбитека и почему-то особенно опасно замужним женщинам. Мы проехали между многими небольшими островками, направляясь к юго-восточному углу бухты. Эта местность приблизительно обозначена на карте Дюмон-Дюрвиля. На голландской карте ее нет. Несколько пирог виднелись вдаль, занятые рыбной ловлей. Звуки нашей тифы привлекли их внимание, и они направились к нам. За несколькими скалистыми островами виднелась бухточка у подошвы высокой, очень крутой горы Ароры. Кроме трех пирог, вытасненных на берег, мы увидели недавно построенный шалаш. Зеленые листья крыши еще не успели пожелтеть. Около костра сидели женщины. Из-под шалаша вышло несколько мужчин к нам навстречу, между ними я увидел Хукома Драмая, начальника вуоусирау, который был раза два у меня. Он очень почтительно подошел ко мне, изгибаясь, прикладывая руки к голове, и представил мне несколько горных жителей, вуоусирау, между которыми одного он даже называл «капитан», прибавив, что все они находятся здесь и ищут для меня животных, которых привезут мне по возвращении из Лакахиа. Я ответил, сообщив ему мое намерение отправиться сегодня же к озеру Камака-Валлар и что мне нужны люди. После нескольких возражений все устроилось, по крайней мере на словах, и я роздал табак, который привез с собою.

Название «вуоусирау» происходит от названия «Вуор», что значит «гора». Туземцы эти не отличаются от других. Разнокалиберность цвета кожи и роста встречаются у них так же, как и у береговых жителей. Между женщинами я заметил одну девочку лет около 13, большие темно-карие глаза которой с длинными ресницами могли бы удовлетворить самых взыскательных ценителей женской красоты. У вуоусирау я также увидел собак, совершенно похожих на собак Берега Маклая. Побережные папуасы собак не держат.

Я вернулся на урумбай, чтобы собрать необходимые вещи для экскурсии к Камака-Валлар. Урумбай, войдя в пролив между островами Койра и материком, посадил меня и моих спутников: Давида, Сангиля, радью Айдума и человек 5 или 6 туземцев. Место, где мы сошли на берег, называлось Варика.

Не стану описывать подробно дорогу, узкую папуасскую тропинку, то взбирающуюся на холм, то спускающуюся круто в ложину, чтобы потом опять подняться. Корни, лианы, толстые стволы повалившихся от старости или от ветра деревьев, болотистый грунт — здесь всего этого было довольно. Через полчаса я почувствовал себя очень усталым, в ногах ощутил сильную слабость, и при каждом шаге боль в опухшем левом боку усиливалась.

Возвращение из Ломиры в открытой пироге под солнцем не прошло мне даром. Я чувствовал приближение пароксизма, но принятая незначительная доза хины (0,2 г) парализовала его силу. Ограничилось головною болью и головокружением.

В двух или трех местах мы встречали развалившиеся шалаши, временные жилища вуоусирау.

Я был рад, когда часа через два ходьбы мне сказали, что мы на вершине хребта холмов и что теперь будем спускаться. В этом месте находились два повалившиеся на сторону шалаша. Пока мы отдыхали, а спутники мои курили, я собрал при помощи двух переводчиков, радьи Айдума и Сангиля, следующие сведения: в горах далее Камака-Валлар жителей нет, что люди вуоусирау в своих дальних экскурсиях в горы следов людей никогда не видели, что по всему этому берегу единственно на горе Ламансьери и в горах Камака живут люди, что первых называют «майрасис», а вторых — «вуоусирау».

На другой вопрос: знают ли они, откуда они пришли, из какой береговой местности переселились,— было отвечено, что вуоусирау всегда жили в горах, что диалект их отличен от диалекта майрасис, но что береговые пануасы думают, что они и майрасис одни и те же люди, но живут в разных местах.

Во всяком случае, если они физически и не отличны от майрасис, то живут отдельно весьма долго, так как у них выработался особый диалект.

Мы спустились в болото; здесь все эти ночи шел дождь, почему тропинки были скользки и мокры. Затем поднялись к покинутой плантации, где солнце меня крайне утомило. Плантация была значительна; на ней стояло несколько толстых пней, срубленных метра 3—4 от земли, для чего дерево, которое желают срубить таким образом, окружается подмостками. Такой способ рубки деревьев, цель которой главным образом уничтожение тени, совершенно рационален, так как построить подмости — труд очень небольшой сравнительно с трудом рубки дерева у корня, где работы оказалось бы втрое больше, чем на несколько метров выше.

Направление, которому мы следовали, было О и NO. За плантацией находились еще два длинных шалаша (*В РПТ при правке ошибочно было добавлено: на сваях*), напомнившие мне шалаши негритосов на о. Люсоне. Простые подставки были заменены подпорами из трех связанных тонких подставок — опять стремление к более легкой работе и сметливость.

Пошел дождь. Тропинка стала круче и хуже. Пришлось пройти, однако ж, целых 3 часа под сильным дождем, часто скользя и спотыкаясь.

К заходу солнца пришел очень усталый к 2 хижинам, с натертыми пузырями на ногах от новых смоченных сапог и очень голодный.

Меня ожидал сюрприз. Давид забыл захватить кофе и сахар, на которые в продолжение последних 3 часов я очень рассчитывал. Пришлось довольствоваться вареным рисом и сушеною говядинойю.

23 марта. Проспав сносно ночь в хижине, которую опишу ниже, и за неимением кофе выпив немного безвкусной рисовой воды (отвару), я собрал принадлежности для рисования и отправился к озеру, которое находится в 5 минутах ходьбы от хижины. Мы пришли к песчаному берегу, покрытому стволами сухих деревьев, из которых многие еще стояли на берегу, другие же стояли или лежали в воде. Далее от берега из воды виднелись одни верхушки деревьев.

Озеро было не широко, но очень длинно.

Близ берега находились два островка. Противолежащие горы, на О и NO, тянулись длинными однообразными хребтами. Вокруг островков виднелась полоса сухих деревьев, отчасти на берегу, отчасти же в воде. Обоих концов озера на S и на N, несмотря на то, что вид был обширный, нельзя было видеть. Они были закрыты выдающимися мысками. Сделав эскиз озера с берега, сопровождаемый радьей Айдумы и двумя папуасами, я выехал в пироге на середину озера. Здесь вид был иной, то есть гораздо более живописный. Высокие горы с красивыми контурами замыкали озеро, которое имело неправильную форму, много мысков и островков разнообразили его. Длина его была раза в 3 более ширины. Я полагаю, что в быстрой, легкой пироге можно бы переплыть его в длину от N на S часа в 2; обойти кругом (предполагая существование хорошей дороги вокруг) — часов в 8—10. При настоящем положении тропинок туземцы сомневались, что возможно бы это сделать даже и в 3 дня. Кроме гор на W, которые мы вчера перешли, нашлось одно более низкое место на SO между высокою горою Аророю и горою [...] (*В РПТ оставлено место для названия. То же в ПД*).

Сделав еще два рисунка, я был обрадован приобщением трех экземпляров рыбки [...] (*В РПТ оставлено место для названия*), которая водится в озере. Есть еще и другая, но ее можно словить только с помощью крючка, так как она живет в глубине.

На возвратном пути я осмотрел отвесные белые скалы, на которых виднелись две параллельные линии одна над другой; нижняя отстояла приблизительно на 150 см, другая на 3 м от настоящего уровня озера. На камнях, стволах и ветвях стоящих в воде деревьев я собрал несколько экземпляров губки. Эта находка меня навела на мысль, что Камака-Валлар было некогда заливом или же находилось каким-нибудь образом в связи с морем. Собранные раковины, отчасти живущие еще теперь в озере, делают это предположение довольно вероятным. На мои вопросы о сухих деревьях в воде и до берегу туземцы сказали, что вода озера была некогда высока и все эти деревья погибли, будучи совсем или отчасти покрыты водою, и что теперь вода в озере понизилась. Но когда вода была высока и когда понизилась, я не мог добиться.

Определив с помощью аппарата Ренью высоту уровня озера (вода кипела при 211,4° F, и температура ее на поверхности равнялась 32,5° C), я вернулся к хижине и занялся рисованием ее и людей. Хижины, хотя построенные на сваях, были низки и имели очень плоскую крышу. Стены состояли из деревянных планок, связанных ротангом, они были не выше 1 м, так что только те туземцы, которые были малого роста, могли стоять, и то только посередине, под коньком. Мне же и это оказалось невозможным. Оба фронтона были открыты; пол сделан из планок так называемого pinang-utang (*Правильно: pinang-utan*) (дикой арековой пальмы).

Хижина, в которой я провел ночь, имела посредине проход, так что под крышей были, собственно, два отделения хижины, из которых одно разделялось в свою очередь на две каморки (*Фраза «Хижина ~ каморки» восстановлена нами по первой редакции РПТ. Вторичная правка текста ошибочна*). С обеих боковых сторон под продолжением крыши находились платформы для сиденья или спанья. Двери были очень малые, так что в них можно было пролезть только с большими затруднениями и совсем съезжившись. Не только стоять, но и сидеть с поднятою головою нельзя было в каморках. Так как перегородки между ними были низкие, то можно было, стоя на коленях, видеть все, что происходит в других отделениях хижины. Двери открывались в разные стороны. Было также заметно стремление к украшению: концы выдающихся брусьев были вырезаны наподобие головы крокодила, который, по словам туземцев, водился в большом количестве в озере. Несколько прямолинейных орнаментов, вырезанных и разрисованных углем, красовались на некоторых стенах.

Второе путешествие в Новую Гвинею

1874 <год>

Я нарисовал портрет начальника вуоусирау, так называемого «капитана», и одного из его людей (самого красивого и высокого), также портрет двух женщин: жену и дочь капитана; первая была очень мала ростом и брахицефальна [...] (*В РПТ далее пропуск, оставлена чистой одна строка*), вторая — лет 14—15, но почти что развитая женщина, имела очень недурненькую для папуаски рожицу.

Смерив рост и обхват многих вуоусирау, верхние конечности которых оказались весьма длинными, я захотел убедиться, насколько диалект вуоусирау отличается от остальных диалектов этого берега. Я стал записывать слова. Чтобы сделать это вернее, перед записыванием я несколько раз произносил узнанное слово громко. Мое произношение много раз возбуждало общий смех туземцев, и я сам чувствовал, что не могу никаким образом выговорить некоторые слова. По собранным сведениям оказалось, что число всех вуоусирау не превышает 35—40 человек, включая мужчин, женщин, детей.

Мне хотелось добиться того, чего я не мог узнать утром, именно: сколько лет тому назад вода озера была высока и когда она понизилась. Я придумал для этого следующее средство. Указывая на нескольких детей, я спросил, видели ли эти дети высокую воду. Оказалось, что нет, что они родились гораздо позже. Я перешел к другим, к подросткам — также нет. Я указал на дочь капитана, которую звали Саси; на этот раз вопрос удался, отец ответил, что именно немного времени перед тем, как Саси родилась, вода озера вдруг понизилась. Смотря на эту девочку, у которой маленькие конические груди очень недавно стали расти, худощавый зад которой и ноги свидетельствовали о ее еще неполном развитии, ей нельзя было дать более 14 лет. Итак, оказывается, что приблизительно лет около 14 тому назад вода Камака-Валлар понизилась, с тех пор, по единодушному отзыву всех туземцев, вода держалась на том же уровне.

Оставались, однако ж, еще и другие вопросы. Я снова стал допрашивать людей, помнят ли они, когда вода повысилась до того уровня, на котором находилась 14 лет тому назад. Переспросил всех, никто не видал и никто не помнит рассказов старых людей о повышении воды. Самому старшему из окружавших меня вуоусирау было лет 45. Итак, снова выходит, что вода повысилась до 1825 г. Однако ж есть полнейшее доказательство тому, что вода озера находилась когда-то на гораздо более низком уровне, чем в настоящее время, метров, может быть, на 40 или еще ниже, так как одни верхушки

больших деревьев виднеются на многих местах вдоль берега. И чтобы вырасти до того объема, до которого достигли ныне в воде стоящие деревья, требуется не один десяток лет

Итак, в середине прошлого столетия вода озера Камака-Валлар была на гораздо более низком уровне, озеро — гораздо меньше настоящего и берега его, находящиеся теперь под водой, покрыты растительностью.

Часа в 3 пополудни я был принужден отправиться назад к урумбаю, так как ни у меня, ни у спутников моих, ни даже у вуоусирау не было что есть. Мои люди, полагаясь на гостеприимство последних, захватили с собою очень мало провизии, а у них почти что ничего не оказалось. Проплыв в пироге вдоль берега озера 3/4 часа, мы очутились около плантации, где проходили вчера. Это обстоятельство значительно сократило путь; к тому же сходить с горы бывает обыкновенно легче, чем взбираться на нее. На хребте я определил при помощи гипсометра Ренью высоту его, которая равнялась [...] (*В РИТ здесь пропуск*). Вуоусирау затянули песню, воткнули себе в волосы, за пояс, за браслеты на руках и ногах разноцветные листья, и таким образом мы спустились в Варику, где нас ожидали урумбай и пироги. Я в тот же вечер отправился на старую стоянку к острову (*Правильно: к островам*) Койра в сопровождении 9 пирог. Вид этой процессии был характеристичный; все наперерыв хотели обогнать друг друга, оставляя, однако ж, урумбай всегда впереди. На каждой пироге народу было много: женщины, дети, все пели и кричали, стараясь перекричать друг друга. На 3 пирогах, не закрытых крышею и где были только мужчины, одним из них был исполнен воинственный танец; стоя на платформе, он то прыгал, размахивая руками, то пел, причем крик его переходил в визг; иногда он сильно рубил воздух своим парангом или, схватив лук, пускал в воздух стрелы; иногда, набрав горсть песка из ящика с очагом, искусно бросал песок вверх.

На окружающих горах собирались черные тучи и грозил дождь, почему многие туземцы занялись «заговариванием» грозы, причем они обращались лицом к туче, постоянно грозя ей пальцем или тем, что находилось у них в руке, и что-то усердно бормотали (это очень напомнило мне подобный же обычай у жителей Берега Маклая). Даже и мои матросы-серамцы делали что-то подобное.

Вечером, отдохнув немного от прогулки, я был на берегу и видел их танцы, при которых мужчинам приходится играть главную роль; женщины двигаются медленно, делая маленькие шаги, выдвигая зад, которым вертят из стороны в сторону; так как туловище наклонено вперед, то груди при этом болтаются. Последнее обстоятельство, вероятно, утомительно, почему от времени до времени женщины подпирают свои груди ладонями, но все же продолжают вертеться. При пляске мужчин также главным образом двигается средняя часть туловища; колени согнуты, руки заняты, держа тифу, ударами в которую они аккомпанируют танец; движения постоянно усиливаются, и под конец темп делается совсем неистовым и вдруг прерывается. Женщины плясали в центре, мужчины, окружая их, двигались вокруг один за другим все быстрее и быстрее.

Эта пляска мне напомнила танцы алифуру, минагаси и негритосов Лимай (на о. Люсоне)

Дождь заставил меня вернуться на урумбай довольно рано, но он не помешал туземцам плясать. Гам продолжался далеко за полночь.

24 марта. Ветер был неблагоприятный весь день, так что к вечеру мы добрались только до Вайкалы на северном берегу о. Айдумы. У самого берега стояла хижина или, вернее, развалины ее. По здешнему обычаю после смерти хозяина хижина его покидается; жить в

ней считается небезопасным. Хижина Вайкалы оставалась уже много лет необитаемой; крыша была как решето, столбы едва держались, а пол провалился бы при первом шаге.

Мои матросы, несмотря на папуасские «помали», воспользовались старым канатом, который нашли в хижине, и несколькими досками.

25 марта. За группой островов Каю-Мера находится большой залив, который тянется сперва от N на S, затем от W на O. Острова Айдума, Драмай, Каю-Мера и окружающие их горы — пустыня. На NW довольно узкая долина, которая ведет, вероятно, к озеру Камака-Валлар. До озера недалеко, почему, как мне сказали, многие из жителей Каю-Мера находятся в родстве с вуоусирау. Мы искали жителей, стреляли холостыми зарядами (условный зов серамских гостей), стараясь открыть дымок или пирогу,— напрасно, везде безлюдье. Бывшая деревня Каю-Мера была совершенно сожжена.

26 марта. Около 2 часов пополудни мы подошли к восточному песчаному берегу маленького острова Лакахиа, который бывает заселен только временно, когда, например, торговое прау бросает якорь вблизи. Мои люди отправились за водой на южный берег, где находится, как говорят, небольшой резервуар дождевой воды, вкус которой оказался весьма солоноватым. На песчаном берегу разбросаны кусочки каменного угля, нахождение которого здесь известно уже давно и в последний раз было констатировано комиссией парохода «Этны». Обогнув мыс Тандион-Бай (Cap Baudin), можно было сейчас же заметить, что характер местности здесь меняется: горы поворачивают круто на восток, следуя левому берегу залива Кируру; правый берег совершенно низмен, за исключением двух высоких островов: Бавия и Мой. Вдали тянется высокий кряж гор; из южного низменного берега поднимается только довольно высокий Тандион-Буру.

Набрав воды, мы направились вдоль низменного южного берега, пройдя ко входу залива Кируру, залив Терера и островок Ния. Берег был болотистый и покрыт мангровыми, людей мы заметили только около мыска Ваймета. В ответ на наш выстрел показался высокий столб дыма. Когда мы подошли ближе, туземцы бегали по берегу, махали снятою одеждою и бросали песок вверх, что издали казалось маленькими облаками дыма. Часа 2 люди мои перекрикивались с папуасами; несмотря на наш зов, туземцы не решались приблизиться, хотя у них были пироги; они обращались в бегство, как только урумбай двигался в их сторону. Имена «оран Серам», «Гесир» не помогали. Я вздумал испытать, не сможет ли вид белого человека привлечь их; я вышел из каюты, приказал людям замолчать и сказал по-малайски, что если они подойдут, я им дам табаку. К моему удивлению, это удалось. Сперва они приблизились незначительно, потом, собравшись с духом, подошли ближе, а затем к самому борту, но решились взойти на палубу только после того, как я поднял занавес моей каюты и они убедились, что там нет спрятанных вооруженных людей, которые могли бы убить их или увести в неволю. Удостоверившись в своей безопасности, они с криком влезли на урумбай, стали обнимать всех, громко говорить, смеяться и все-таки по временам боязливо озирались кругом. Я мог, однако ж, заметить, что эта веселость была одною маскою.

Такое недоверие неудивительно. Сколько раз этих людей грабили, избивали, увозили в рабство. Один тидорский принц Амир несколько лет тому назад увез, как говорят, много сотен людей отсюда; в январе этого года люди Камрау убили и ранили людей Каю-Мера, а женщин и детей увели с собою. Не удивительно, что каждый кажется им неприятелем. Они также в свою очередь старались отплатить без разбора всем, кто легкомысленно попадался им в руки.

Именно эта местность, берег около Лакахиа, имеет дурную репутацию. Здесь были убиты матросы капитана Кольфа, много людей Серама и др.

Туземцы здесь темнее людей Наматоте и Айдума и почти что не носят малайского платья; вообще они кажутся более сильными и рослыми. Они привезли с собою сагуер, жидкость, добываемую посредством надрезов ростков гомутовой пальмы. Он был совершенно свеж и показался мне очень вкусным. Кроме гомутовой, здесь много саговых пальм. Вероятно, вследствие обильной пищи страна более заселена.

Ночь провели на якоре около о. Бавия.

27 марта. Направился к водопаду Гуру-Гуру, описанному в отчете экспедиции парохода «Этна», но здесь случилось то же, что в 1871 г. в заливе Praslin Новой Ирландии. Надо было долго искать то, что по описанию должно броситься сейчас же в глаза. Как водопад Бугенвилля, так и Гуру-Гуру мне пришлось увидеть не в дождливое время, что, разумеется, оказывает большое влияние на значительность и красоту водопадов.

Вода Гуру-Гуру оказалась хорошею, особенно для купания — место превосходное, хотя не особенно похожее на рисунок, приложенный к описанию экспедиции «Этны»

Водопад находится у подножья высокой горы Бамана.

Пришли три пироги с лакахийцами. Они произвели на меня то же впечатление, как и вчера: именно, что они темнее жителей Айдумы и Наматоте и, вероятно, вследствие обилия пищи крепче сложены и выше ростом. Я мог заметить, что форма их носа значительно изменена обычаем пробурывания носовой перегородки. Сравнивая носы большинства с носами нескольких других папуасов тех же или соседних местностей, у которых носовая перегородка не пробурывалась, оказывается, что конец носа у первых свислый, ноздри очень подняты и открыты и нос получил крючковатую форму, которая делает физиономии похожими на евреев. Может быть, вследствие законов наследственности, после нескольких поколений постоянно повторяется операция (*По смыслу правильнее:* повторяемой операции), при которой нос сильно опухает, носы этих папуасов сделались больше. К сожалению, мне не удалось сделать ни одного портрета. Туземцы не сидели смиренно, убегая, как только замечали, что я обращаю на них внимание. Туземцы Лакахиа оказались очень недоверчивыми, и ни один не согласился следовать за мною в глубь бухты Кируру, и при первом движении урумбая вперед быстро отплыли в сторону, как бы боясь, что я силою не захватил бы кого из них.

Пройдя узкость, мы вошли в бассейн со многими выходами. Один из них, направо, был проливом между о. Бавией и другим островом, другой пролив на О между низкими островами, третий, налево,— продолжение так называемого залива «Этны» или Телок-Кируру, как его называют туземцы. Мы подвигались на веслах до вечера по рекообразному заливу; справа берег был низкий, представляя болотистые острова, на которых росли мангровы; слева поднимались высокие горы, покрытые лесом.

28 марта. Утром после часовой гребли узкий залив немного расширился, пройдя холм на правом берегу; несколько каналов между островами, а может быть и рек, впадали в этом месте. Часам к 11 мы вошли в большой бассейн, окруженный горами. Мне показалось, что на голландской карте он представлен не таким большим, как он оказался в действительности. Мы направились к одному местечку, где стояли две кокосовые пальмы и виднелась полуразрушенная хижина.

В описании экспедиции парохода «Этны» говорится о деревне, находившейся в этом месте. Я пошел в лес с Давидом и тремя серамцами, поднимаясь вдоль левого ската хребта. Мы достигли хребта часа через два ходьбы. Он шел от WSW на NNO. Перед заходом солнца мои люди привязали койку между двумя деревьями; над нею в виде крыши было растянуто каучуковое одеяло. Не более 10 минут потребовалось на устройство бивуака. Я считаю его самым удобопереносимым, простым и здоровым при путешествиях в тропических странах. Он практичен еще и в том отношении, что подвешенная койка может годиться не только в лесу, но и в хижинах туземцев.

29 марта. К утру было ощутительно свежо, хотя термометр не спустился ниже 25° С; перед рассветом мы слышали несколько раз шаги казуара, но ни одного не пришлось убить: птица слишком осторожна. Я отправился выше и старался заглянуть на ту сторону хребта. Кроме леса и гор, ничего не видал, притом деревья очень мешают. Надо было бы влезть на самую верхушку их, чтобы иметь возможность рассмотреть всю панораму холмов и гор этой части перешейка, который именно здесь не особенно широк.

Эта экскурсия показала мне, что лес здесь далеко не такой непроходимый и что экспедиция внутрь страны здесь не встретит затруднений относительно населения, которое в этом месте несомненно существует, о чем свидетельствуют свежесрезанные ветки кустов, которые я заметил несколько раз вчера и сегодня, а также и многочисленные тропинки. Кроме того, я был удивлен тем обстоятельством, что в этом первобытном лесу большинство деревьев были молоды, старые встречались редко. Грунт был везде — толстый слой уступчивого и мягкого гумуса.

Птиц было очень мало, за исключением одного вида *Vuceros*, который встречается здесь в большом количестве.

Я вернулся к месту ночлега, где оставил вещи и людей, исключая одного, который, сопровождая меня, прорубал тропинку в неудобнопроходимых местах. В ожидании завтрака я определил с помощью аппарата Ренью точку кипения на этом месте, которое оказалось 209,5° F. Но это место было, однако, ниже того хребта, где я был утром. Около полдня я направился к урумбаю, зная, что мои люди внизу очень боятся нападения папуасов, и полагая, что жители окрестных гор, численность которых я не знаю, каждую минуту могут собраться и, пожалуй, с недобрыми намерениями. Я спустился вниз гораздо более короткою дорогою, чем поднялся, но тропинка была по временам очень крута.

Недалеко от берега, узнав, что никаких папуасов не приходило, я позволил двум серамцам разгрести кучу *maleo* или гнездо *maleo*, имевшее почти что 2 м в диаметре и более 1 м вышины. Странное дело! Ленъ срубить ветвь дерева и сделать род лопаты принудила их более часа разгребать землю руками. Куча состояла из довольно рыхлой земли, температура которой была 32,1° С. вероятно, вследствие гниения листьев, а не солнечной теплоты, так как солнце не проникает чрез зелень до земли.

Из Тимбоны я направился вдоль берега тем же путем, каким пришел вчера, желая захватить 3 черепа, которые мои люди заметили в трещине скалы. Мы действительно нашли место с черепами, но не успел один из матросов достать их и передать мне, как мы все были немало удивлены неожиданным появлением пяти больших пирог с очень значительным числом туземцев.

Была минута обоюдного недоразумения: мои серамцы, вообразив, что через несколько минут туземцы нападут на нас, очень переполошились и стали готовить ружья; с другой стороны, папуасы на своих пирогах, видя, что мы остановились, в свою очередь

взялись за то же, прекратив моментально громкое пение. Между туземцами на пирогах было несколько, которых мои люди признали за жителей деревень Ваймата, Терера и Банк. Внезапность появления пирог, многочисленность папуасов, их громкое пение, а главное известная неблагонадежность жителей именно этих берегов были причиной того, что мои серамцы предположили, что пироги явились сюда с намерением напасть на урумбай. Сообразив возможность нападения, я на всякий случай приказал 6 человекам грести, направляясь прямо к пирогам, а остальным готовиться к защите, вооружиться своими ружьями старого образца и парангами. Дав Давиду, очень меткому стрелку, мои два двуствольных ружья, одно нарезное, заряженное пулями, другое — крупную дробью, я расположился сам на крыше каюты с ружьем-револьвером и скорострельным ружьем системы Vaumont. Я предупредил Давида и людей, чтобы никто не стрелял ранее, чем выстрелю я сам, а затем стреляли бы, хорошо целясь, а не просто без толку жгли бы порох.

Мы все приближались. Из пирог папуасы могли хорошо видеть наши приготовления. Громкое пение и пронзительные крики, на минуту возобновившиеся, снова смолкли, и пироги остановились. Было ясно, что папуасы совещаются. Я приказал изо всех сил грести на группу пирог. Это обстоятельство прервало совещание папуасов; 4 пироги быстро отгребли в сторону, и только одна старалась держаться в почтительном расстоянии, но не слишком далеко от урумбая. Казалось, она имела намерение начать переговоры. Когда я окликнул ее, один из находящихся в ней людей на ломаном малайском языке стал объяснять, что он начальник дер. Ваймата и, узнав, что урумбай отправился в залив Тимбону, захотел видеть «туан-пути» (белого господина). Я тогда пригласил его подойти к урумбаю, на что он не решался, извиняясь тем, что на других пирогах находятся начальники других деревень. Я сказал ему тогда, чтобы и другие пироги приблизились и все начальники собрались бы на урумбай. Услышав это, люди пироги стали грести по направлению к остальным, и в непродолжительном времени все пять приблизились к урумбаю. В них мы увидели очень большое количество оружия, стрел и копий, что отчасти подтверждало предположение серамцев или же доказывало недоверие папуасов относительно урумбая.

Папуасы только тогда решились взойти на урумбай, когда я открыл по их просьбе занавес моей каюты и они удостоверились, что у меня нет людей в засаде.

Только начальникам было дозволено мною войти на палубу. От них я поспешил узнать имена окружающих местностей, кое-что о населении, а также удалось мне записать несколько слов их диалекта; но несмотря на щедро розданный табак, они не чувствовали себя в безопасности на урумбае, и, пока я занялся записыванием слов, внимательно прислушиваясь к выговору, все папуасы один за другим тихонько спустились в свои пироги, и велик был страх моего собеседника, который диктовал мне слова, когда он заметил, что остался один. Забывая даже данный ему табак, он соскочил в свою пирогу, после чего папуасы, не произнося ни слова, усиленно стали грести от урумбая⁷⁷.

Налетевший легкий шквал с дождем позволил нам поставить паруса и скоро отдалиться от пирог. Серамцы несколько не были успокоены визитом папуасов. Последний только увеличил подозрения моих людей; между ними находилось несколько человек бывалых, которые уже десятки раз посещали разные берега Новой Гвинеи. Они говорили, что папуасы единственно потому мирно приблизились к урумбаю, что заметили наши приготовленные ружья, и сделали это для того, чтобы удостовериться в числе людей на урумбае и рассчитать относительные силы. Они были убеждены в том, что папуасы ожидают теперь ночи, чтобы напасть на нас, и очень просили меня не оставаться здесь до утра, а выбраться скорее в море. Мой же план был исследовать другие проливы, которых я

насчитал несколько на левом берегу Телок-Кируру, и одним из этих каналов я желал вернуться к морю. Доводы моих людей одержали верх, и я нехотя согласился исполнить их убедительные просьбы, соображая, что папуасов 50 человек, а нас всего 13, и ночью шансы были не на нашей стороне, так как схватка была бы рукопашная, причем ружья мало бы помогли. Они одолели бы нас своею сравнительною численностью.

Серамцы были так убеждены в опасности, что замечательно усердно, без понуканий, гребли всю ночь, и, пользуясь отливом, к рассвету урумбай бросил якорь у выхода из залива Кируру.

30 марта. Проспав порядочно всю ночь, я был немало удивлен, когда увидел, что мы качаемся на якоре в виде дер. Ваймэта, о. Лакахиа и других знакомых мест. Весь день старался я войти в сношения с туземцами, но ни одна пирога не приблизилась, хотя на берегу туземцы манили и звали нас в деревню.

Мелководье не позволило урумбаю подойти к берегу; нежелание или боязнь папуасов подъехать к нам не дали возможности съехать на берег. Здесь мне пришлось пожалеть о потере шлюпки, купленной в Гесире и затонувшей во время перехода с Ватабелло в Новую Гвинею.

Далее на юго-восток от залива Лакахиа берег Новой Гвинеи не защищен островами, как северная часть Берега Ковиай, и не представляет надежных якорных стоянок. Большое волнение при свежем ветре и сильный прибой у берега представили серьезные неудобства продолжать путь на юг, главным образом при малости урумбая и ненадежности вооружения его. Я поэтому решил вернуться в Айву и заняться исследованием Телок-Камрау и Телок-Бичару.

31 марта. Обогнув Тандионг-Бай (Cap Baudin), при значительном волнении мы вошли в Телок-Каю-Мера, где мои люди обратились ко мне с просьбою позволить им отдохнуть после двух утомительных дней.

1 апреля. Мои люди были заняты ловлею рыбы и собиранием ракушек, так что только к 3 часам пополудни мы подняли якорь и вышли из Телок-Каю-Мера в открытое море. Все люди, за исключением Сангиля и Давида, должны были грести изо всех сил, чтобы обогнуть высокий и живописный мыс, который на своей карте я назвал Мыс Лаудон в честь генерал-губернатора Нидерландских Индий. Прибоем нас несколько раз едва-едва не выкинуло на скалы, и часу в 11-м ночи мы бросили якорь у о. Драмай.

2 апреля. Ветер был противный, почему пришлось грести весь день вдоль берега о. Айдумы; я решил переночевать около Вайкалы .

Вот что я узнал от туземца в пироге. Папуасы малой колонии в Айве, полагая, что благодаря моему соседству они будут в полной безопасности, перестали быть постоянно настороже и вовсе не думали о внезапном нападении. В одно дождливое и угрюмое утро, когда начальники и большинство мужчин не находились в селении, а другие по случаю дождя спокойно спали, одни в своих пирогах, другие в бараках, внезапно, без всякого лишнего шума, появилось множество папуасов-врагов (жителей из бухты Бичару). Они все были хорошо вооружены, и, чтоб придать себе более страшный вид, их лица были окрашены черною краскою. Застав маленькое поселение врасплох, они бросились на спящих мужчин, не щадя и женщин. Один из первых шалашей, который был атакован, принадлежал старому радье Айдумы, который был в отсутствии. Дома спали его жена и дочь (хорошенький ребенок лет 5 или 6). Хотя и раненная двумя ударами копья, бедная

мать нашла, однако ж, силы добраться с дочерью до моей хижины, где она надеялась быть в безопасности. Другие туземцы колонии последовали ее примеру, по крайней мере те, которые не были слишком тяжело ранены, чтобы добраться туда; таким образом, моя хижина стала центром свалки. Число нападавших было около сотни, между тем как в Айве не находилось более дюжины мужчин, но много женщин и детей.

Разумеется, люди Айдумы были совершенно разбиты. Мои семь слуг не помогли им, боясь быть убитыми вследствие такого заступничества. Победители не удовольствовались тем, что ранили и убили около десятка людей Айдумы (мужчин и женщин), но, убедившись, что раны жены радьи Айдумы были смертельны, изрубили на куски ее дочь. Отрубленная голова с частью туловища и болтающейся рукою была нанизана на копье и с торжеством унесена в горы. Впоследствии я узнал, что причина этих убийств была старая вражда и давно уже решенная месть. После убийств начался грабеж моих вещей, который продолжался до трех часов пополудни; тогда горные туземцы отправились в обратный путь, неся как трофей голову ребенка, уводя с собой в плен двух молодых девушек и мальчика и унося, сколько могли, вещей, награбленных в моей хижине .

Между тем один из моих людей, Иосиф из Амбоины, не совсем потерял голову. С помощью двух других он отправился в маленькой пироге к большому падуакану (большой торговый прау из Макассара), пришедшему недавно для меновой торговли с туземцами этого берега. Он убедил анакodu туземной прау послать шлюпку с вооруженными людьми для того, чтобы спасти по крайней мере часть моих вещей. Они прибыли в Айву к вечеру и застали людей Наматоте и Мавары занятыми разборкою и дележом добычи, т. е. моих вещей. Утомленные дневными приключениями, туземцы при виде вооруженных людей не стали сопротивляться, когда мои слуги и люди из Макассара собрали несколько остатков из моих вещей, отнесли в шлюпку, которая вернулась к падуакану .

Несмотря на всю неожиданность и неприятность известия, оно меня скорей заинтересовало и рассердило, чем сколько-нибудь смутило или напугало. Мое решение вернуться в Айву уже принято, почему, несмотря на усталость людей и их возражения, я заставил их грести всю ночь в канале между островами Мавара и Симеу.

3 апреля. К рассвету мы были в Маваре; я отправился на берег, в этот раз вооруженный, так как опасался, что люди Мавары, также грабившие мои вещи, могут отнестись не особенно дружелюбно к моему визиту. Я хотел видеть капитана Мавары, физиономия которого мне никогда не нравилась и которого я считал вместе с радьей Наматоте главным виновником убийств и грабежей. Я отправился к его хижине, но там никого не нашел, кроме двух баб, сильно испуганных, забившихся в хижины, и нескольких плачущих детей. Я был почти что убежден, что капитан и другие туземцы-мужчины, не ожидавшие моего появления, попрятались где-нибудь поблизости, может быть, опасаясь, что я сейчас же примусь за расправу, и, увидя меня вооруженного, убежали в лес, как только я соскочил с урумбая на берег.

Расправляться с ними пока я не хотел, тем менее с женщинами и детьми, почему, не добиваясь от них ничего, вернулся к урумбаю и направился далее к о. Наматоте, где, по словам встреченного нами туземца, находился падуакан и мои слуги. Скоро можно было различить падуакан, стоящий под берегом о. Наматоте, в проливе, отделяющем последний от материка. Нетерпение моих людей по мере приближения к нашей цели возросло, и последние полчаса гребцы исполняли хорошо свое дело. Когда мы были уже недалеко, от падуакана отделилась шлюпка, где сидели Иосиф Лопец, Ахмат и один из моих людей из Серама. Я был рад, что Лопец догадался приехать, так как единственно от него я мог узнать приблизительную истину из всего происшедшего; как только шлюпка

приблизилась, я позвал его в мою каюту; он схватил мою руку и казался очень растроган; когда же вошел Давид, его земляк, он бросился обнимать его и чуть не плакал. Когда он более или менее успокоился, я приказал ему рассказать все, что он знает, прибавив, что я уже слышал многое, но желаю узнать от него подробности.

Его рассказ оказался во многом отличным от уже слышанного мною, что было совершенно естественно, потому что туземца вчера я не мог расспрашивать иначе, как через переводчика, человека из Серама, а последний имел причины, как оказывалось, не переводить всего, что было ему передаваемо. Лопец начал свой рассказ с жаром, уверяя, что вся афера была сделана сообща людьми Бичару, Наматоте, Мавары и оставленными мною людьми Серама. Частная месть была причиною убийств жены и дочери старика радьи Айдумы. Зная это и прельщенные добычею моих вещей, которых хватило всем, люди Наматоте, Мавары вместе с моими слугами из Серама решили пожертвовать семьею и друзьями старика Таноме, радьи Айдумы, ограбить меня и свалить всю вину на людей из бухты Бичары. Иосиф был в этом вполне убежден, уверяя меня, что когда он услышал крики и гвалт схватки на берегу, он роздал амуницию, порох и пули всем нашим людям, чтобы встретить нападающих; люди мои действительно принялись стрелять, но, как уверял Иосиф, стреляли одними холостыми зарядами, и не потому, что боялись быть убитыми жителями Бичару, а просто потому, что были в стачке с ними. Это мне показалось совершенно правдоподобным, так как я не сомневался, что восемь человек, вооруженных ружьями, без особого труда могли обратить в бегство сотню туземцев, вооруженных копьями, если бы они действительно стреляли пулями и дробью.

<6 апреля> . Радьи Айдумы и Наматоте старались всеми силами нравиться мне: пожимали беспрестанно мне руки, изъявляли желание всюду следовать за мной, предлагали собрать всех папуасов в Вайкалу или куда только я пожелаю.

Серамцы просят в свою очередь не верить ни одному их слову и видят новые сети.

Восемь человек моих людей — серамцев больны лихорадкою.

Вечером Иосиф пришел сказать мне, что оба радьи говорят моим матросам, чтобы они за себя не боялись, что им никто ничего не сделает. Серамцы этому верят, но сильно трусят за меня или, вернее, за самих себя, полагая, что в случае, если меня здесь убьют, им достанется от голландского правительства, когда они вернутся домой.

7 апреля. Измерил череп, который взял с гробницы на о. Наматоте и который оказался очень интересным, имея индекс ширины, равный 62; я смерил его 2 раза, думая, что в первый раз ошибся.

8 апреля . Анакода приехал сказать мне, что вследствие последних событий он боится остаться здесь, что торговля в этом году плоха и что он предпочитает поэтому отправиться на острова Кей или Ару. Я приготовил 2 ящика с препаратами в спирту и черепами, которые хочу отправить с ним, и дам ему несколько писем для передачи первым голландским властям, которые встретятся. Одно будет адресовано генерал-губернатору в Батавию с кратким изложением случившегося и сообщением моего решения остаться здесь.

Между похищенными или разбитыми вещами находились, между прочим, две банки с хиною. У меня остается одна неполная, почему приходится весьма экономно обходиться с приемами. Между моими людьми очень много больных: из 16 матросов только 4 здоровы.

11 апреля. Отправился, наконец, на о. Айдуму. Выбрал будущим местом жительства Умбурмету, положение которой мне кажется более здоровым в сравнении с Вайкала. Когда выбирал вечером место для моей хижины, серамцы стали снова ворчать; я сейчас же прекратил это ворчание, заявив опять, что в хижине жить я буду один, а они все могут оставаться ночью и даже днем на урумбае, а что, если им и этого мало, то пусть отправляются домой, а я один останусь здесь. После этого недлинного объяснения, которое я постарался сказать, не повышая голоса, снова послышались уверения в преданности и полной готовности слушаться. Пользуясь моментом, я заставил обещать мне начать постройку хижины завтра с рассветом и построить ее как можно скорее, так как жить на урумбае в маленькой каюте мне очень надоело.

12 апреля. Я еще не встал, т. е. не было и 5 1/2 часов, как партия серамцев съехала на берег, чтобы до завтрака вырубить нужный материал для будущей хижины. Позавтракав, я съехал на берег и назначил на месте, которое Иосиф с одним из серамцев уже расчистили, и размеры хижины. Так как эта хижина будет служить мне только для ночлега, а днем — для письменных занятий, все же мои вещи останутся на урумбае, то размеры ее могли быть очень небольшие. Я назначил всего 3 м в ширину на 4 м длины, как раз достаточно помещения для койки, в которой буду спать, для стола и для стула. Люди работали очень хорошо, так что завтра кончат хижину.

13 апреля. Хижину действительно кончили. Я провел целый день на берегу, следя за работою, и к вечеру так устал, что отложил переселение до завтра.

15 апреля. Переселился вчера и провел ночь уже в хижине; она такая дырявая (со всех сторон и снизу; сверху, однако ж, не протекает), что вечером нельзя зажечь свечки или приходится зажигать десяток раз в минуту, но это ничего; скверно то, что спать холодно. Умбурмета, благодаря моему поселению, как и Айва, становится оживленною, но в Айве от песчаного берега, где вытянуты были на песке папуасские прау и где туземцы строили себе временные шалаши, до (В РИТ: для) моей хижины было далеко; здесь же с моей веранды я могу видеть весь берег и все, что на нем происходит. Сегодня пришли 6 папуасских пирог с кучею народа. Вечером, просидев целый день над кое-какими анатомическими работами, я вышел на веранду и любовался игрою мальчиков и юношей на песчаном берегу. Был отлив, почему они имели большое пространство для своих игр. Они играли в войну: бросали друг в друга песчаные пули и легкие палки вместо копий. Главное искусство состояло в том, чтобы бросить ком песку или копье и потом быстро увернуться, броситься в сторону или на землю или прыгнуть высоко и избежать тем копья, направленного в ноги. Трех- и четырехлетние мальчики участвовали в игре, которая очень интересовала 14- и 15-летних юношей. Здесь, как и в других местах Новой Гвинеи, дети замечательно рано начинают упражняться в попадании в цель: они бросают чем попало и во что случится и достигают в этом большой ловкости.

Имел с Давидом и Иосифом серьезный разговор. Я начал с того, что спросил их: побоятся ли они остаться здесь со мною, если я позволю урумбаю вернуться в Серам? На что они оба ответили очень положительно, что боятся, потому что папуасы готовы здесь убить человека из-за пустой бутылки или старой тарелки. Они прибавили, что это общее мнение, что на них невозможно положиться и что серамцы, несмотря на общую выгоду сохранить мирные отношения, трусят каждую ночь, боясь неожиданного нападения. Если мы останемся здесь вчетвером, то есть я, Давид, Иосиф и Ахмат, то нам не сдобровать. Затем оба прибавили, что у каждого жена и дети.

Вследствие этого разговора я принужден был задержать урумбай.

Часов в 10 вечера пришла пирога с людьми Айдумы с очень интересным известием, оправдавшим предположения моих людей и подтверждающим выраженное ими мнение, что здесь невозможно полагаться на туземцев. Известие состояло в следующем: на днях (кажется, вчера) около 300 человек из горных деревень около Телок-Камрау, преимущественно из деревень Мамай, Рина и др., приходили действительно в Айву с намерением убить меня и разграбить окончательно вещи. Эта экспедиция очень разочаровалась, найдя в Айве одни обгорелые столбы вместо хижины и людей.

Темная ночь; серамцы, как говорит Давид, очень встревожились известием и очень трусят. Давид просил меня не спать здесь, а вместе с моими людьми в урумбае. Я не согласился.

17 апреля. Опять тревога. Новое известие, пришедшее к вечеру. Говорят, что люди Наматоте и Мавары хотят напасть на меня ночью или на рассвете и, если придут, то, вероятно, в значительном числе. Мои люди так встревожены, что ожидают нападения непременно в эту ночь — ведь у страха глаза и уши велики, а главное, страх заразителен. Мне кажется по временам, что все происходящее вокруг меня я вижу во сне, а не наяву.

Я, разумеется, постарался ободрить моих людей и даже успел рассмешить их всех, спросив, каким образом они думают, что горные жители попадут сюда, не имея пирога: или же станут гоняться за урумбаем по морю? Я наотрез отказался перебраться из хижины на урумбай. Приходится, однако ж, при общей тревоге и возможности нападения лечь спать одетым.

18 апреля. Рисовал портреты туземцев, выбрав не особенно красивые или безобразные физиономии, а именно те, которые подходят всех более к общему типу. Надо сказать, что вообще разнообразие физиономий вследствие разнородной примеси здесь гораздо значительнее, чем, например, на Берегу Маклая, даже у здешних горных жителей, как, например, вуоусирау. Во всяком случае, форма носа не может считаться характеристичною чертою, как того хотят антропологи, не выезжавшие из Европы и делящие род человеческий на расы, сидя в удобных креслах в своих кабинетах. Между папуасами здесь (я разумею собственно тех, которые не представляют заметного характера смешанной расы) можно встретить носы плоские, приплюснутые, прямые, крючковатые и, наконец, такие, у которых кончик носа свешивается низко над верхнею губою.

<*19 апреля.*> Видел сегодня и осмотрел внимательно на днях родившегося папуасского ребенка. Передняя часть тела, руки и лицо были значительно светлее сравнительно со спиною и лбом. Тело было желто-розоватое, с примесью сероватого тона. Волоса — выющиеся большими кольцами. Меня уверяла мать ребенка, что отец его — ее муж, но при отношениях здешних женщин к серамцам, макассарцам и другим посетителям антропологу, если он не желает ошибиться, не следует верить их рассказам. Сомнение это сильно уменьшает значение и вес наблюдений.

Мои слуги Давид и Иосиф сделали сегодня очень серьезное и далеко не приятное открытие. Оказывается, действительно, что мои же люди воспользовались грабежом моих вещей в Айве и вместе с людьми Наматоте и Мавары расхитили их, а также вещи моих слуг (Давида и Иосифа), после того как люди из Телок-Бичару ушли к себе. Некоторые из этих вещей были замечены сегодня в татумбу (род корзины) одного из серамцев, именно Стенберга, много других (моих же вещей) были променены им на масой. Это наглядно доказало, что мне нельзя доверяться не только папуасам, но даже и своим людям. Последние дни дул свежий W и WNW и волнение было значительное.

21 апреля. Под утро был разбужен криками, которые произвели общую тревогу. Оказалось, однако же, что причиною тому была небольшая прау, пришедшая из Горам. Матален Сенгриа с о. Горам, анакода пришедшей прау, и несколько человек горамцев пришли ко мне с визитом и сказали, что прибыли сюда, надеясь встретить на этом берегу анакоду Чечонэ, чтобы торговать его товаром и, узнав, что падуахан Чечонэ уже покинул этот берег, они думают вернуться назад в Горам.

Мои люди снова сильно перепугались. Множество пирог показались у мыска. Сейчас же было предположено, что люди Наматоте собираются напасть на нас, и когда все пироги снова, вместо того чтобы идти вперед, вернулись и скрылись за мысом, в этом обстоятельстве было найдено подтверждение, что это случилось вследствие неожиданного прихода прау из Горам. Все это может быть и правда, а может быть — и даже вероятнее — чистая выдумка. Серамцы так возбуждены, что во всем готовы видеть неминуемую опасность.

Смерил очень аккуратно головы нескольких мальчиков.

22 апреля. Охота бедна, беднее, чем на материке, в Айве. Присутствовал при бракосочетании Тагара с дочерью старого радьи Айдума. Это был совершенно простой торг. Тагар купил ее за ружье, ценность которого на о-вах Серам считается десять флоринов; в придачу был дан кусок белой бумажной материи в 2 1/2 флорина, итого 12 1/2 флорина, что составит [...] (В РПТ далее пропуск). Тагар должен, однако же, ждать до следующего муссона, чтобы взять жену в Серам. Она, впрочем, девица не слишком юная, на вид ей за 20, что здесь далеко не первая молодость. До Тагара она, разумеется, имела уже не одну связь, и сегодня утром я был немало удивлен, получив приглашение на их свадьбу, так как я считал их уже давно мужем и женою, что и было *de facto*, а сегодня сделалось *de jure*.

23 апреля. Встал рано, думая отправиться на охоту с Давидом. Пока я пил кофе, любясь видом гор при утреннем освещении, Иосиф рассказал мне, что ночью была снова большая тревога. Пришла какая-то пирога из Мавара; когда ее окликнули, она хотела удалиться; он, Иосиф, звал меня с урумбая, но я, видно, спал, так как ничего не ответил. Я действительно спал очень крепко прошлую ночь, и все, что Иосиф рассказывал, было для меня новостью. Иосиф прибавил, что капитан Мавара — одна из главных личностей, которая грабила мои вещи в Айве, и вообще причина происшедшего там находится именно в той пироге, которая прибыла ночью. «А радьи Наматоте там нет?» — спросил я. «Не видал», — отвечал Иосиф. — «Очень жаль, хорошо было бы захватить их обоих». Иосиф посмотрел на меня очень вопросительно. Я сам не знал, что предприму, однако ж, решил не выпустить живым этого человека. Не следовало терять времени: я послал Иосифа за Давидом, а сам допивал кофе, обдумывая, как удобнее все устроить.

Давид явился, и я объяснил ему в двух словах, что решил взять капитана Мавара живым или мертвым, что нам не придется после этого долго оставаться здесь и чтобы он зарядил все ружья, пока я соберу мои бумаги и книги. Наша работа шла быстро; и когда двое из серамцев пришли с Иосифом, мои бумаги, книги и белье были уже уложены мною. Иосиф объявил, что не ошибся и что капитан Мавара находится в пироге. Я приказал Давиду оставаться при ружьях, Иосифу идти со мною и, обращаясь к Мойбириту — чистокровному папуасу, который почему-то всегда весело и беспрекословно исполнял мои приказания, спросил: «А ты боишься идти со мной или нет?» — «Нет, — отвечал он, — если ты пойдешь первый». Я указал ему на крепкую веревку, надеясь, что не револьвера, а веревки будет достаточно для капитана Мавары.

С веранды я мог видеть положение всех и каждого и невольно заметил весьма значительное число папуасов сравнительно с моими людьми; хотя я их не считал, но полагаю, что их было раза в три больше нас. Промелькнула мысль: «А ну если все они кинутся защищать капитана Мавары?» Хотя я не сомневался в исходе дела даже и в таком случае, но мне жаль было допустить возможность резни, в которой все-таки я буду виновен. Но это была только минута; я припомнил вид моей разграбленной хижины в Айве, лужи крови, несчастного ребенка на моем столе и кровавые следы ее матери, убитой также в моей комнате. Жаль, что другого нет, подумал я, и вернулся в комнату. «Так пойдем,— сказал я ожидавшему,— никому ничего не говорить, не кричать, а слушать и делать, что прикажу». Вышли как ни в чем не бывало.

Разумеется, ни у кого на песчаном берегу, кроме меня и моих людей, не было даже ни малейшего понятия о том, что произойдет; только Давид и Иосиф знали, что я возьму или убью капитана Мавары, но как — этого даже и я не знал и считал — безразлично, так как взять его было решено. Большинство людей занимались приготовлением завтрака; мои серамцы завтракали в урумбае, только немногие были на берегу, любезничая с молодыми папуасками и выбирая себе невест.

Медленно переходя от одной группы к другой, я, наконец, подошел к пироге, где притаился капитан Мавара и боялся показаться. «Где здесь капитан Мавара?» — спросил я не особенно громким голосом. Ответа не было, но все голоса затихли и много физиономий обернулись, как бы ожидая чего-то. «Капитан Мавара, выходи», — повторил я громче. Общее молчание. Я совсем подошел к пироге. «Выходи же», — были мои последние слова. Тут я сорвал циновку, служившую крышей пироге. В ней действительно сидел капитан. «СлаMAT, туан», — произнес он дрожащим голосом. «Так это ты, который грабил мои вещи вместе с людьми Телок-Камрау! Где теперь радья Наматоте?» — «Не знаю», — еще более слабым голосом произнес этот человек, который был вдвое или втрое сильнее меня и дрожал всем телом. Все папуасы и мои люди окружили нас. «Смотри за людьми», — шепнул я Иосифу, а сам схватил капитана за горло и, приставив револьвер ко рту, приказал Мойбириту связать ему руки. После этого я обратился к папуасам и сказал: «Я беру этого человека, который грабил мои вещи в Айве, помогал людям Камрау, которого я оставил в Айве стеречь мою хижину, а который расхитил, что было в ней, допустил, чтобы в моих комнатах убили женщин и детей. Возьмите его сейчас же на урумбай. Мойбирит и ты, Сангиль, как начальник моих людей из Серамы, будешь отвечать за него».

Мне казалось, что следует покончить дело как можно скорее, а главное, не позволить, не дать времени людям опомниться и не допустить какого-нибудь совещания. Видя, что мои серамцы убедились в необходимости живо слушаться и уже потащили моего пленника в урумбай, я, спокойно кладя револьвер обратно в футляр у пояса, обратился к туземцам и сказал: «Я не сержусь на вас, а только на начальников, капитана Мавары и радью Наматоте, которые были заодно и делали то же, что люди Телок-Камрау». Заметив, что некоторые были вооружены, я предложил им оставить оружие в стороне, так как никто их не тронет, и помочь моим людям перенести вещи мои из хижины на урумбай.

Мои слова произвели хорошее впечатление на туземцев; серьезные лица приняли веселое выражение. Все снова заговорили и принялись перетаскивать мои вещи из хижины в урумбай. Давид и Иосиф распоряжались очень расторопно. Мои люди, не полагаясь на мирный исход, оставались вооруженными, и все ружья на урумбае были заряжены. Я принял предосторожность положительно запретить, чтобы какая-либо пирога покинула Умбурмету, и приставил Иосифа, Ахмата и радью Айдумы исключительно следить за исполнением этого приказа.

В один час все было перенесено на урумбай, и мы могли бы отправиться в путь каждую минуту. Я не забыл, однако, об интересном черепе, который находился на могиле недалеко от дома старого радьи и который я до сих пор не хотел трогать из нежелания показать туземцам, что я не уважаю гробницы их родственников. Теперь же, уходя, я не хотел оставить интересный антропологический препарат в лесу в добычу сырости и времени. Надо было ухитриться удалить всех с того места на несколько минут, так как даже и теперь я не желал сделать похищение этого черепа открыто. Я послал серамцев поэтому на урумбай готовиться к уходу, других за водою, шепнув несколько слов Давиду, сказал туземцам, что иду успокоить женщин и проститься с ними. Я рассчитывал, что все мужчины пойдут со мною, в чем и не ошибся. Женщины, как только произошел арест капитана Мавары, вероятно, боясь насилия, сочли более благоразумным немедленно убраться со сцены и спрятались в старом доме радьи Айдумы. Может быть, они сделали это по приказанию мужчин.

Я отправился к дому и вызвал женщин, которым сказал с помощью переводчика, чтобы они ничего не боялись, что я им ничего не сделаю, не убью и не увезу никого насильно с собою и чтобы они передали бы мои слова другим. Я велел им также передать жене капитана Мавары, что я его взял потому, что он вместе с другими грабил мои вещи, вместо того чтобы защищать их, но что я, однако ж, ничего с ее мужем не сделаю, а только отвезу его в Амбоину на суд резидента. Увидя жену Тагара, я позвал ее и подарил ей кусок красной бумажной материи и много табаку. Я думал, что застану ее в большом горе по случаю отъезда ее молодого мужа, но замечательно, как мало грусти или даже неудовольствия выражала довольно милостивая физиономия ее при расставании со своим супругом, с которым она жила только один месяц и который вряд ли в такое короткое время мог уже надоесть ей. Я подумал: или европейские женщины притворяются в таких случаях, или папуасские дамы очень отличны от первых. Мне сказали, что одна из жен капитана Мавары находится между женщинами. Я сейчас предложил ей сопровождать мужа, думая, что ее обязанность сделать это. Она не захотела и вовсе не казалась опечаленною участью мужа.

Мне пришли сказать, что вода была забрана. Простившись окончательно с туземцами, которым предоставил значительное количество табаку, я переехал на урумбай в одной из туземных пирогах и, убедившись, что все в исправности, приказал поднять паруса и при легком S ветре направился к о. Ади. Отошедши несколько миль от берега, я приказал развязать руки моему пленнику и дал ему есть. Он сделался очень послушным и стал стараться подружиться с моими людьми. Он предлагал им, как я это узнал от моих амбоинских слуг, значительное количество продуктов Новой Гвинеи, если они помогут ему бежать при первой возможности.

Чтобы помешать исполнению этого плана, я в продолжение восьми дней пути до о. Кильвару нигде не останавливался, несмотря на просьбы людей зайти куда-нибудь за свежую провизию и на то, что вода, взятая в Умбурмете, начала портиться. Раз мне даже пришлось пригрозить огнестрельным оружием, чтобы сохранить дисциплину. Придя в Кильвару 29 апреля, я передал моего пленника радье Кильвару, сказав последнему, что он будет отвечать перед резидентом Амбоины в случае побега капитана Мавары, и предупредил его, что он должен остерегаться, что люди Гёсира ради выгоды (обещанных капитаном Мавары произведений Новой Гвинеи), пожалуй, будут склонны помочь ему. Я послал Иосифа на небольшой прау с 5 человеками экипажа на о. Банду с письмом к резиденту Амбоины, который, однако ж, прибыл в Кильвару не ранее 21 мая; это время я прожил на островке Кильвару и сделал несколько интересных наблюдений над малайо-папуасской помещью и вообще немало интересных наблюдений по этнологии. Капитан Мавара был взят на пароходе «Бали» резидентом в Амбоину, а затем переслан, кажется, в

Тидор. Наказание его было поселение или, вернее, переселение из Новой Гвинеи, а не собственно тюремное заключение .

Возвращение из Папуа-Ковиай

24 апреля—30 мая <1874 г.>

26 апреля. Открывшиеся на S острова все серамцы и я считали за группу Матабелло, но к 4 часам оказалось, что это о-ва Горам и Мановолка. Прошлою ночью был свежий ветер, говорят (я спал), и притом течение на NW, вероятно, подвинуло нас сильно к N.

27 <апреля>. Очень неприятный сюрприз: острова, которые считали вчера, оказались утром о-вами Каймер и Кур. Ошибка очень неприятная. Опять доказательство: не верь другим (*Далее зачеркнуто:* Пришлось зайти еще на о. Теур за водой).

Зыбь большая. Ветер SO.

Воды было немного, но я не зашел на о. Теур, как просили матросы, а прошел прямо до о. Матабелло. Бросили якорь около двух горамских прау. От этих людей я узнал, что пароход с контролером заходил в Гессир, но вернулся дней 20 тому назад в Амбон.

28 апреля. Попутным SO направился к Гораму. Погода стоит очень хорошая.

Вечером зашел в Амар — деревня на берегу Горамы, резиденция радьи Амара — узнать об нем и об радье Лоодс, а также чтобы купить курицу, так как денденг и рис очень надоели. Жена радьи Амар, который, к сожалению моему, находился теперь на о. Кей, узнав (*Далее зачеркнуто:* от моего человека) о моем приходе, снабдила меня курами, кокосами в таком количестве, что я не хотел даже принять такое множество, за которое не хотела принять платы. Я узнал, что пароход приходил в Гессир дней 20 тому назад с резидентом Амбона. Я приказал сняться, как только люди мои вернулись с берега, и объявил моим людям, что во всяком случае хочу быть завтра утром в Гессире. Мои серамцы привыкли немного слушаться, хотя для этого необходима была угроза тюрьмой в Амбоне или подчас револьвер и выстрел в крайнем случае, принялись за весла и прогребли от захода солнца до полночи. Пройдя о. Пулу-Паньянг, легкий SO позволил оставить весла. Отсюда до Серам-Лаут большая мель, коралловые банки и несколько небольших островов. Если бы не луна и не знакомство фарватера этой местности, пришлось бы отложить надежду быть завтра в Гессире, но ветер был почти попутный, и боязнь гресть утром при безветрии воодушевила или поддержала дух людей, и я утром благополучно увидел Марлаут и горы Серама.

<9 апреля.> (*Дата восстанавливается нами по содержанию текста*) Утро было ясное, как все эти дни, и урумбай, украшенный 4 флагами, под всеми парусами, которым помогали еще 12 весел, при звуках 2 тиф, гонга и частых ружейных выстрелов торжественно подвигался к острову (*Далее зачеркнуто:* Не дозволив). Мои люди были немало удивлены, когда вместо Гессира я приказал направиться к о. Кильвару, где меня радушно встретили старый и молодой радья Кильвару. Узнав главные новости, что пароход был здесь, но ушел дней 20 тому назад, что радья Лоодс должен ждать на о. Банда парохода, чтобы отправиться за мною, я передал моих пленников радье и сказал ему, что намерен жить у него.

Перебравшись в его дом, «рума битчара», я отпустил урумбай в Гессир. Решил вечером отправить Иосифа с письмами резиденту и ассистенту резидента в Банду и Амбон, рассчитывая, что почтовый пароход придет в Банду 1 мая и захватит письма. Писал до 12 час.

30 апреля. Иосиф отправился в 8 часов в небольшой йонке на о. Банду с 5 человеками экипажа.

Вечером отправился в Кильфура. Радья Кильвару (сказал), что люди Серам были в заговоре с папуасами в моей истории.

1 мая. Рисовал два интересных типа женщин, а также смесь серамцев с папуасами. Отправился в 4 часа в Серам-Лаут. Достал череп серамца.

1) Волоса смеси ♂ серамцев и ♀ папуасок курчавы; некоторые — более папуасский тип, другие — более малайский. Между ними головы встречаются очень брахицефальные.

2) Нос очень изменяет форму вследствие пробуравливания носовой перегородки (костью рыбы или иглою), представляется очень плоским, с висячим куском мяса.

2 мая. Ночью я был 2 раза разбужен, сперва звуками тифы около мечети и около хижины радьи; было лунное затмение.

Около 2 часов — много громких и оживленно говорящих голосов, из которых я мог слышать слово «убежал», заставили меня встать поспешно с постели и выйти.

От женщины, которая живет в доме, где находились мои пленники, я узнал, что капитан Мавара убежал, но что немедля много людей побежало за ним ловить его. Я оделся и, схватив первое ружье, попавшее под руку, также поспешил на поиски. На другом берегу острова я встретил людей, ведущих сильно сопротивлявшегося папуаса. При виде меня с ружьем и при моих словах: «Этот человек убежал, теперь я его убью, как предупредил!» — он так сильно отскочил, что вырвался на минуту из рук ведущих его. Так как я его передал радье, то я оставил его на произвол последнего. Несмотря на сопротивление, крики, обе его ноги замкнули в блок. Как я узнал потом, его догнали у самого берега. Он уже был в воде и хотел защищаться от погони камнями, но когда ему сказали, что если он не вернется, в него будут стрелять, он сдался.

Валас ошибочно говорит, что вода в Кильвару хорошая и что деревьев нет. Несколько громадных *Ficus indica* стоят у мечетей, и зелени довольно. Остров понижается: многие гробницы в воде, а также корни больших старых деревьев обнажены приливом.

Остров был, как мне сообщил радья, соединен с Серам-Лаут, но вследствие войн жители Кильвару вздумали прорыть очень небольшой канал через перешеек. Вода dokonчила работу. Теперь канал широкий, но при отливе можно удобно пройти в Серам-Лаут, вода доходит до колена. Но он помнит, что были видны корни деревьев, росших прежде на перешейке. <...>

3 мая. Traubenfoermige Brueste der Papua-Madchen.— Kleiner Wuchs und Neigung zum fett werden.— Kinder von ♂ und ♀ Papua haben lockiges Haar und einen bald mehr Papua-andere *Malayen-typus*. Ein Exemplar v. Ceram-Laut besonders bemerkenswert dadurch dass der Papua-typus fast nicht bemerklich ist, die Mutter aber von sehr pregnanten Papua-typus

(Гроздевидные груди папуасских девушек.— Малый рост и склонность к ожирению.— Папуасские дети ♂ и ♀ имеют курчавые волосы и скорее более папуасский — другие же более малайский тип. Один экземпляр с Серам-Лаута особенно примечателен благодаря тому, что папуасский тип почти не заметен, но у матери — очень ярко выраженный папуасский тип (пер. А. Н. Анфертьева)).

4 мая. <...> Иосиф вернулся с хорошими известиями из Банды. Пароход находится в Амбоине. Он употребил 24 часа до Банды и 8 дня назад.

5 мая. Лихорадка.

Вечером разговаривал с радья муда об жителях Серама. Он говорит, что алифуру (жители гор) совершенно подобны жителям берегов (*Было: остр*), что в Сераме нет курчавоволосых людей. Он уверял, что между алифуру есть жители с хвостами (оран паке акур) (*Правильнее: Оранг апа пакай экор (мал) — какие-то люди с хвостами*), состоящими из волос. Он сравнивал этот хвост с косою китайцев. Их называют здесь «оран-суанги», и они находятся на многих горах около Амахай, около Кваус ets. Радья муда был убежден, что «суанги» могут быть невидимы. Так, например, здесь говорят, что между обоими муссонами в месяце апреле-мае суанги сходят с гор и крадут детей. Радья муда видел такой пример и отыскал ребенка со многими людьми, ударяя в тифу и с песней, обещая подарки, если оставят ребенка, которого нашли с заткнутыми ртом, ушами, носом листьями у берега моря!

Он убежден, что ночью невидимые суанги могут причинить зло людям, которых замечают. Несколько дней спустя лихорадка, которая кончается смертью.

6 <мая>. Отправил Давида в Серам-Лаут за оленем. Вечером <1 нрзб> без женщин.

7 <мая>. Давид вернулся, видел вчера, но не застрелил оленя. Вечером опять пляска. Люди Серам-Лаут (прента Кильвару) приехали приготовить «рума битчара» к приезду резидента. Их пляска была тем отлична от обычных чикалеле, что пляшущие представляли какое-нибудь действие, например ловлю рыбы. Люди гребли, потом явился один, который представлял рыбу. Один из гребущих несколько раз неудачно бросал копье и при каждой неудаче бил рулевого; наконец, поймал, но рыба оборвалась, другой заступил его место. Начали тащить, потом несколько раз представили, что рыба так сильно ударила хвостом рыбака, что его должны были на руках нести (*нести зачеркнуто*). Наконец, кончилось представление — рыбу словили. <...>

8 мая. Ждал парохода! Рисовал Бунгарая. В 4 часа отправился в Айялену. Красивый вид: гробницы семейства (*Было: поколения*) радьи Кильвару. Промок. Один из людей Макассара пришел с подарками (райские птицы), которому я отказал. <...>

9 мая. Выкупался утром при рассвете — последствием была лихорадка. Вечером, незванная, пришла Бунгарая — я не мог воздержаться и отослать ее! Хотя было не более 7 часов. Я предполагаю, что папуасские ласки мужчин иного рода, чем европейские, по крайней мере Бунгарая с удивлением следила за каждым моим движением и хотя часто улыбалась, но я не думаю, что это было только следствием удовольствия. <...>

10 мая. Ждал парохода. Вечером отправился в Кильфуру. Вечером опять пришла Бунгарая. Утром при уходе я подарил ей кусок катуна, которым она, кажется, не осталась довольна: так как у меня остается всего-навсего 1/2 gulden'a, то денег не пришлось дать. Она говорила что-то, но я не мог понять, кажется, просила денег, желала серег, браслет

(Далее зачеркнуто: Мне стало смешно). Слыша, что я хохочу (было темно), она что-то стала сердито бормотать, я еще более хохотал, она несколько раз толкала меня в бок не слишком нежно, потом даже намеревалась с досады укусить (!) меня раза два. Я ее успокоил. <...>

11 мая. Парохода нет.. Папуасов ♂ и ♀ обрезают, когда они остаются здесь жить, больших и малых . Браки между серамцами и папуасами относительно редки, папуасы женятся между собою. Браки серамцев благословлены <2 нрзб> десятком детей.

<12 мая> <...> Написал письмо Русскому географическому обществу об 2-й моей экспедиции в Новую Гвинею .

Каждый день приходят ко мне разные начальники окрестных местностей с сообщениями об убийствах, кражах, насилии, большинство с Тана-Бесар (Серам). Я их утешаю, что Туан-Бесар <1 нрзб> и разберет их дела.

Узнал следующее о хонги Тидоре. 2 февраля. Начальник: Себиар , радья Румасол; в коракора 40 (Было: 30) оран. Хати-Хати, Румбати, Патипи . <1 нрзб., зачеркн.>.

Требовавшие (Было: спрашивавшие) 15 человек от Румбати на основании письма султана Тидорского. Приходят каждый год, спрашивают даже дань с купеческих прау.

Залив MacCluer серамцы называют Телок-Берау.

13 мая. Между людьми, прибывшими с оран-Лагуа-Денама, встретился молодой серамец, лет 19, с 4 Матмае (Соски (лат)). Два верхних были нормальной величины, два нижних — в 1/2 меньше. Совершенно симметричны. Ни у отца, ни у матери нет подобой аномалии, ни у сестры.

Люди уверяют, что у некоторых людей (в одном семействе) между горными жителями встречаются люди с хвостами, уверяют, что и теперь есть один с небольшим. Но все слышали и говорят, но ни один не видал.

Было 7 часов вечера, я сидел за моим скудным ужином, когда на минуту люди мои вышли оба на заднюю веранду. Бунгарая осторожно пробралась мимо меня в спальню. Пришлось ее спрятать, хорошо, что у кровати есть занавески.

Принесла тарелку яиц. Странно, что пришла, и еще незванная, да с подарком, когда я ей 3-го дня ничего не дал.

14 мая. Родословная радьи Кильвару.

Тутуктолу: Гесир. Кильтай. Кильвару. Серам-Лаут. Кампонг: Намаломи. Каранг. Енамлас (пасир). Мар. Ваваса. Вачика (Бутон). Ена. Ревап. Вайнсола (Сунги). Киликвай. Беба. Ватуо. Араулу. Моса. Арабуа. Ватига. Обас. Аркел. Килибия. Кильфура. 750 (Было: 950) человек (рабочих голов) было в прежнее время до оспы.

С о. Серам-Лаут вышли 4 человека: Уан, Соса, Маники, Тофи. Из них Соси и Тофи переселились на о. Гесир, Маники — на о.Банда, Уан — на о. Кефинг .

Там говорит: режь наверху. ♂ спросила, откуда он. Ответил: Серам-Лаут. Он спросил, откуда женщина? — С неба. Женился. 3 мальчика: Боки, Тингалаин, Маслаин. 1) Сакасифа, 2) Сатерия, 3) Катибеси — Рату (*Было*: Руту) — Лулунбеси (Амбон, Кильвару).

Женился в Кильвару. Сын Омин отправился в Кефинг и Туйнау. Там во время вечерней пляски он увидел красивую]женщину и сказал что, если попадет ей в грудь, то женщина будет ему принадлежать, если нет, он <2 нрзб.>. Попал и женился. Сын Сумат <1 нрзб.> хотел <1 нрзб.> в Кильвару. Амир сделал прау. Сын Налан. Сын этого — Кабреси — отправил в Яву и Батавию отряд к генерал-губернатору за письмами, который дал палку и камзол с галунами. 1. Бакор; 2. Канакан— Бойфалит; 3. Тоу; 4. Татабаут; 5. Талиса; 6. Лебефалит; 7. Динлат; 8. Гасан; 9. Анчама; 10. Хорит. Бунгарая опять приходила.

15 мая. Думаю около 20-го отправиться в Амбон, но сперва в Банду. Сегодня такой отлив, что отмель соединила Кильвару с Серам-Лаут.

Здесь жители обходятся нехорошо с папуасскими детьми, которых покупали и выменивают в Папуа. Положение их не лучше рабства.

16 мая. Отправился в хижину, где мои люди видели маленького папуасенка под хижиную вместе с козами. Я вошел в хижину и увидел несчастное создание лет 2 или 3 с ужасными худыми ногами и руками, который при виде меня закричал и пополз. Ноги были с ранами. Я приказал позвать хозяина и от гнева весь дрожал, трудно было стоять на ногах. Я сделал очень строгий выговор капитану Кильтай и намере довести до сведения ген.-губернатору и просить защиты этих несчастных противу серамцев.

Не следует позволить вывозить маленьких детей без матерей из Гвинеи.

Вода поднялась сегодня так высоко, что залила часть острова между хижинами. Прибывшие люди Кефинг привезли известие, что пароход находится уже несколько дней в Банде.

17 мая. Мерил и вычислял отношение между ростом, обхватом, длиной и шириной черепа папуасов Онин и Нотан. Между ♀ ♀ встречаются чаще брахиоцефальные головы, чем между ♂ ♂. Рост очень различен, между ♂ ♂ от 1750—1480 mm, между ♀ ♀ 1510—1310 mm. Но между ♂ ♂ встречаются еще меньшие ростом.

Также волоса папуасов различно завиты. Например, капитан Мавара, Ивотей. Очень многое зависит от ухода за ними.

Несомненно, что и у них встречается индивидуальное различие в степени завитости, длине и цвете. Не надо забывать, что у новорожденных папуасов волоса не совсем черные и не курчавые, а только слегка завитые и даже прямые. Итак, вероятно, что папуасы, как и негры, очень измененное племя, происшедшее от индифферентного родоначального племени с курчавыми и прямыми волосами.

Также неверно, что человек — животное с гладким лбом.

18 мая. Неполный альбинизм.

Падуакан из Банды привез известие, что пароход, вероятно, придет завтра. Я решил утром отправиться в Амбон *via* Банда. 21-го.

Интересная акула.

При последнем сильном землетрясении (лет 10 или более тому назад) о. Кильвару понизился.

Каждый день приходит Бунгарая.

Во время отлива можно видеть на отлогом песчаном берегу источники пресной воды, которые в обыкновенное время покрыты слоем морской воды. Они совершенно подобны тем, которые находятся на острове.

19 мая. Приобрел сегодня голову и два эмбриона акулы. Эмбрионы особенно интересны.

Люди с жалобами и больные надоедают каждый день. Женщины здесь, особенно жены и родственницы радий, мажут лицо (лоб, щеки) рисовой водою, что очень обезображивает их физиономии. Малайцам это, напротив, нравится.

Макассарские купцы ввели здесь обычай надевать маленьким девочкам сердцеобразную серебряную дощечку, закрывающую mons Veneris.

Манук тируту (Серам, Папуа-Онин), ланда (малайское название) — животное, которое встречается в Папуа-Онин (Корас). Его привозили в Манаволку (радя Амар), в Кильвару etc. По описаниям, это животное ежеобразное, с крепкими иглами и острым рылом, может скатываться в шар и рыть длинные ходы в земле (*Сбоку красным карандашом приписано: Echidna*).

Скука ждать парохода!! Если бы знал, что придется так долго ждать, давно бы отправился бы в Амбон!

Вино, сахар, кофе на исходе. Денег, рису, бисквитов более нет!...

Мая 21. В 4 часа пополудни пароход «Бали» бросил якорь в проливе между Кильвару и Гессиром. Резидент передал мне много писем, но между ними не нашлось ни одно от матери, Ольги или А. Мещерского!

22 <мая>. Рассчитался в присутствии резидента с серамцами, заплатив за урумбай 50 fl.

рго (*За (лат)*) человека — 10.

Я простил Стенбергу.

Итак, экскурсия обошлась мне:

до и в Нов. Гвин.— 192.

в Кильвару — 212.

Урумбай 2 месяца и 16 матросов — 404.

Амбоинцам — 160

Получил от Dummler et C° 1500 fl .

23 <мая>. «Бали» зашел в Утумуру за контролером, потом направился к о. Банда, куда прибыл 24-го в 7 часов утра.

Банда. Поселился вследствие нездоровья у г-на de Bordes. Думаю отправиться с г-ном Ланцем снова в Новую Гвинею, оттуда на острова Кей и Ару.

28 <мая>. В 5 часов снялись с якоря. Проходя гору Ани, кратер был ясно виден в виде отверстия на западном склоне . Он был окружен темноватым краем. Подойти к нему, кажется, невозможно и с вершины вряд ли можно смотреть в кратер.

29 <мая>. Заходили в залив Хая за арестантами.

30 <мая>. Заходили в Сапаруу утром, а в 4 часа пополудни пришли на Амбонский рейд, где увидели пароход «Ангер», присланный из Сурабаи для отправления в Новую Гвинею за мною.

31 <мая>. Амбон.

Моя вторая экскурсия в Новую Гвинею

(февраль — май 1874 г)

(Письмо г-ну секретарю

Русского имп. географического общества)

Милостивый государь!

Как вы из предыдущих писем знаете , целью моего второго путешествия в Новую Гвинею был юго-западный берег ее, а именно берег, идущий на восток от высокого полуострова Кумавы (полуострова принца Оранье-Нассауского) .

Этот берег от большой реки Каруфы (на п-ове Кумаве) до мыса Буру (*Зачеркнуто*: и далее южнее) носит туземное название Папуа-Ковиай. На север от п-ова Кумавы берег до залива Мак-Клюр (включая и его) называется Папуа-Оним; севернее залива Мак-Клюр часть берега Новой Гвинеи, против о. Салавати, имеет название Папуа-Нотан. Это деление западного берега Новой Гвинеи я нашел распространенным между папуасами, а также в ходу между серамцами, которые издавна находятся в торговых сношениях с папуасами .

Папуа-Оним и Папуа-Нотан посещаются чаще макаassarскими и серамскими торговцами, представляя более безопасности. Папуа-Ковиай вследствие частых войн между папуасскими народцами, а также нередких убийств и грабежей торговых экспедиций имеет дурную репутацию и теперь весьма редко посещается большими макаassarскими прау (падуаканами).

Это последнее обстоятельство, т. е. меньший наплыв торговцев и меньшее влияние чужого элемента, решили мой выбор, хотя я по рассказам макаassarцев и серамцев мог заключить, что вместе с более интересным избираю и более рискованное. Уже отправляясь в Папуа-Ковиай, я ожидал что-нибудь подобное случившемуся и нашел потом ряд приключений моих совершенно соответствующим характеру населения этой страны.

23 февраля 1874 г. отправился я из Геси́ра (островка между восточную оконечностью о. Серама и небольшим о. Серам-Лаут) в туземном урумбае (Урумбай — большая непалубная лодка, с каютой в виде хижины посередине. Борт урумбая не выше 1 1/2 фута от ватерлинии, нос и корма заострены и высоки. Урумбай, общеупотребляемое судно в Молуккском архипелаге, бывает очень различной величины; мой урумбай мог поднять не более 2 тонн груза) на юго-западный берег Новой Гвинеи *via* острова: Горам, Матабелло и Ади.

Меня сопровождали двое слуг, жители о. Амбоины, и мой папуасский мальчик Ахмат (Ахмат, папуасский мальчик лет 12-ти, был подарен мне в январе 1873 г. султаном Тидорским. Пробыв около 5 месяцев на клипере «Изумруд», он выучился говорить по-русски, и я до сих пор не говорю с ним иначе, как на этом языке. Хотя он имеет очень незначительную склонность к послушанию, он бывает мне полезен, будучи сметлив и расторопен); экипаж урумбая состоял из 16 человек, из которых 10 были папуасы.

27 февраля бросил якорь около о. Наматоте (остров между заливом Битчару и заливом Тритон в Новой Гвинее).

Для выбора местности, удобной для постройки хижины, я посетил о. Айдуму, берег Лобо, архипелаг Мавару и, наконец, решил остаться жить на берегу Новой Гвинеи, называемом Айва, находящемся против архипелага Мавара.

Папуасы были очень изумлены моим намерением жить между ними, но обходились относительно меня дружелюбно и даже очень почтительно. Так как береговые папуасы-ковией ведут жизнь совершенно номадную, кочуя в своих пирогах из одного залива в другой, переезжая от одного берега к другому, то скоро моя хижина стала центром сбора, около которого почти постоянно теснились пироги жителей Наматоте, Айдумы, Мавары; начальники их — радья Наматоте, радья Айдумы, капитан Мавары — ежедневно посещали меня, уверяя в преданности и дружбе.

Познакомившись с окрестною местностью, я решил предпринять более далекую экскурсию. Я воспользовался обстоятельством, что вследствие W-ого муссона урумбай не мог вернуться в Гесир. Оставив для охранения хижины амбоинца Иосифа и 5 серамцев, я отправился с остальными людьми сперва на восточный берег залива Тритон, в местность, называемую Варика. Следуя моему обыкновению, оставив моих людей в урумбае, я один, невооруженный, предпринял экскурсию в горы; меня сопровождали жители гор Камака, которые называются ваойсирау. Перешед береговой хребет (около 1300 фута), я посетил большое и очень интересное озеро Камака-Валлар, до сих пор не известное даже серамцам, которые почти ежегодно посещают эти берега. Озеро, об котором я вскоре надеюсь сообщить подробнее, находится на высоте около 500 фута над уровнем моря (высота определена с помощью гипсометра Реньо), окружено горами, которые понижаются немного на юго-восток. Около озера находятся несколько хижин ваойсирау. Горы на восток, т. е. в глубь страны, необитаемы.

Из Варики я продолжал путь в урумбае, останавливаясь у островов Айдумы, Каю-Меры, Лакаия; я пробрался в узкий залив Кируру (Этна-Бай голландских карт). Я нашел, что этот залив ошибочно называется заливом, представляя род длинного пролива между материком и архипелагом низких островов, поросших мангровыми. В последний, более обширный бассейн этого мнимого залива можно попасть другими путями, проезжая более узкими проливами между островами.

По берегам пролива Кируру не оказалось селений, и только в последнем бассейне, в местности, называемой Тимбона, я нашел два полуразрушенных шалаша; также в горах несколько тропинок, срубленные стволы и сучья свидетельствуют, что эти горы посещаются папуасами. Я узнал потом, что сюда приходят от время до время туземцы за масоем (Масой — кора дерева из семейства лавровых — употребляется на востоке как лекарство).

Возвратившись с экскурсии в горы на урумбай, я отправился искать вдоль берега удобного якорного места для ночлега, намереваясь на другой день вернуться к морю другим проливом. Мой план был изменен неожиданным появлением 5 больших пирог, на которых находилось значительное число папуасов. Многие обстоятельства при этой встрече заставляли думать, что папуасы последовали за нами в бассейн Кируру не с дружескими намерениями, и хотя после долгих колебаний некоторые из них и вошли на урумбай, но это только увеличило подозрение моих людей, между которыми было несколько людей бывалых, которые уже много раз посещали берега Новой Гвинеи и имели случай хорошо познакомиться с характером папуасов. Они говорили, что папуасы единственно для того приблизились мирно к нам, чтобы знать число людей и вооружение на урумбае и рассчитать относительные силы; они были убеждены, что туземцы ожидают ночи, чтобы напасть на нас, и очень просили меня не оставаться здесь ночь, а выбраться скорее в море. Нехотя согласился я на их убедительные просьбы, соображая, что папуасов более 50 человек, нас всего 13 и что ночью шансы очень неровные.

Мои люди были так убеждены в близкой опасности, что замечательно усердно гребли всю ночь, и при помощи отлива к рассвету мы бросили якорь у выхода из пролива Кируру против водопада Гуру-Гуру. Весь следующий день я старался снова войти в сношения с папуасами, но ни одна пирога не приблизилась, хотя на берегу туземцы манили и звали нас в деревню. Мелководие не позволяло урумбаю подойти близко к берегу, и нежелание или опасение папуасов (Папуасы Лакаия часто испытывали нападение хонгий султана Тидорского и папуасов Оним, что сделало их очень подозрительными и злобными) подъехать к нам заставили меня остаться весь день на урумбае.

Далее на ЮВ от залива Лакаия берег не защищен островами, как северная часть Берега Ковиай, и не представляет надежных якорных стоянок; поэтому свежий ветер, большое волнение, сильный прибой представили серьезные неудобства продолжить путь на юг при малости урумбая и неблагонадежности вооружения его. Я решил вернуться в Айву.

Несколько слов о посещенной стране и ее жителях. Я имел случай видеть при этой экскурсии одну из самых живописных местностей Ост-Индского архипелага. Море с многочисленными заливами и проливами, отвесные скалы, высокие хребты гор с разнообразными контурами, богатая растительность представляют в Папуа-Ковиай самые эффектные комбинации, и часто пейзаж не довольно назвать «красивым», но надо назвать «величественным».

Кроме красоты природы, путешественника поражает безлюдие этой по виду роскошной страны. На всем протяжении Берега Ковиай, который я посетил (от залива Битчару до залива Лакаия), встречаются не более 3 или 4 построек, которые можно назвать хижинами; все остальные, и эти очень малочисленные, едва заслуживают название шалашей; между ними встречаются часто такие, в которых может поместиться *один* человек, и то единственно в лежачем положении. Все эти жилища только временно обитаемы, и даже редко можно застать в них жителей. Все население скитается по заливам и бухтам в своих пирогах, оставаясь только несколько часов или дней в одной местности. Причина тому — главным образом постоянные войны между населением,

нападение хонгий (Морские экспедиции многочисленных пирог с целью убийств, грабежа и добытая рабов), папуасов Оним, которые часто направляются к Берегу Ковиай. Постоянная опасность не позволила жителям изменить номадный образ жизни или, может быть, сделала их номадами. Население гор еще малочисленнее берегового, и только узкий береговой пояс кое-где населен. Замечателен тот факт, показывающий большую изолированность групп населения Новой Гвинеи, что ни береговые, ни горные жители Папуа-Ковиай положительно ничего не знают о Гельвинк-Бай, несмотря на узкость перешейка (особенно около залива Кируру). Горы вовнутрь не населены, и никогда жители Папуа-Ковиай не переходили и не переходят эти горы. Этот факт достоверен, потому что я часто обстоятельно расспрашивал в этом отношении жителей различных местностей и всегда получал самые отрицательные ответы.

Сравнивая образ жизни папуасов Ковиай с образом жизни папуасов Берега Маклая (Очерк образа жизни папуасов Берега Маклая, еще прошлый год почти готовый к печати, я не замедлю прислать в скором времени), встречаешь большое различие между обоими населениями. Несмотря на то, что папуасы Ковиай уже давно знакомы с железом и разными орудиями, хотя они и познакомились с одеждою и даже огнестрельным оружием, хотя и носят серебряные и даже золотые украшения, но они остались и остаются номадами.

Недостаток пищи вследствие неимения плантаций и домашних животных (Только у горного населения Папуа-Ковиай я встретил собак, береговые жители не имеют даже и этого домашнего животного. Так как и в горах собак очень немного, то их не употребляют в пищу, как на Берегу Маклая) заставляет их скитаться по заливам за поиском морских животных, за ловлею рыб, бродить по лесам за добыванием некоторых плодов, листьев и корней. На вопрос при встрече: «Куда?» или «Откуда?» — я почти всегда получал от папуасов ответ: «Ищу» или «Искал, что поесть».

Папуасы Берега Маклая хотя живут совершенно изолированно от сношения с другими расами, хотя не были знакомы (до моего посещения в 1871 г) ни с одним металлом, строили и строят своими каменными топорами большие селения, с относительно очень удобными, часто большими хижинами, обрабатывают тщательно свои плантации, которые круглый год снабжают их пищей, имеют домашних животных — свиней, собак и кур. Вследствие оседлого образа жизни и союза многих деревень между собою войны сравнительно гораздо реже, чем между папуасами Ковиай.

Все это доказывает, что сношения в продолжение многих столетий более образованных малайцев с папуасами далеко не имели благоприятных последствий для последних, и вряд ли можно ожидать, что столкновение в будущем папуасов с европейцами, если оно ограничится только торговыми сношениями, поведет к лучшим результатам.

На возвратном пути в Айву, 2 апреля, у о. Айдумы я узнал от папуасов, что во время моего отсутствия горные жители залива Битчару напали на жителей Айдумы, которые временно поселились около моей хижины, убили варварски жену и дочь радьи Айдумы, ранили несколько людей и женщин Айдумы; что вследствие того мои люди оставили хижину в Айве, перенесли вещи мои на макаassarский падуакан, пришедший недавно в Наматоте для торговли с папуасами.

Я немедленно поспешил в Наматоте и узнал еще следующее: мои соседи, береговые папуасы, жители Мавары и Наматоте, воспользовались нападением горных жителей, разграбили мои вещи, которых остатки были перевезены с помощью макаassarских матросов на падуакан. Между разграбленными вещами особенно чувствительна была для меня потеря

нескольких метеорологических инструментов, аппаратов для анатомических и антропологических исследований; также моя аптека и мой запас хинного и красного вина не были пощажены. К потере других вещей, забранных папуасами (белье и платье, консервы в жестянках и т. п.), я мог отнестись совершенно равнодушно, так как лишение их не изменяло моих занятий и планов.

Я хотел вернуться в Айву, но ни серамцы, ни мои амбоинские слуги не хотели следовать мне туда, боясь второго нападения папуасов.

Анакода (малайский шкипер) находился постоянно в ожидании нападения и грабежа, так что, как только я перенес мои вещи из падуакана на урумбай, он поспешно оставил Берег Ковиай, направившись на о. Кей или Ару.

Моим людям очень хотелось следовать за падуаканом, но я решил, так как мои люди все без исключения отказались жить в Айве, переселиться на о. Айдуму. Для этого я вернулся в Айву, снял атап (Атап — пласты особым образом связанных листьев ниповой или саговой пальмы; употребляется в Ост-Индском архипелаге для покрытия крыш и иногда для стен хижин) с крыши и стен моей хижины, сжег остатки ее и из перевезенных атап построил вторую хижину на о. Айдуме, в местности, называемой Умбурмета. Моя вторая хижина была меньше первой, и я жил в ней один, так как мои люди боялись проводить ночи на берегу и спали в урумбае, который находился на якоре недалеко от берега. Но мне не пришлось более жить спокойно. Обстоятельства с каждым днем усложнялись: горные и береговые папуасы действительно приходили еще раз в Айву; также узнал я, что жители Наматоте хотят напасть на мою новую резиденцию в Айдуме; каждый день являлись новости, что то те, то другие замышляют недоброе против меня, то здесь видели подозрительные прау, то там заметили свежие следы неизвестных людей, бродивших около моей хижины и даже проводивших ночь вблизи ее. То на одного, то на другого папуаса указывали мои союзники, жители Айдумы, как на неприятельских шпионов.

Приходилось быть настороже, носить оружие, что было скучно и утомительно. К тому я узнал еще более подробностей о грабеже. Оказалось, что моим серамским людям нельзя доверять и что даже нельзя будет ожидать от них помощи в случае нападения. Явились фактические доказательства, что один из серамцев принял участие в грабеже моих вещей в Айве, что другие находятся в интимных отношениях с папуасами, что когда горные папуасы приходили в Айву и когда мой амбоинский слуга Иосиф роздал порох и пули, чтобы прогнать их, серамцы стреляли холостыми зарядами. Эти факты легко объясняются обстоятельством, что 3/4 моих серамских матросов были папуасы, некоторые из них были даже вывезены в малом возрасте из этих местностей.

Я поселился в Айве, имея в виду, что на материке Новой Гвинеи фауна богаче, чем на ближайших островах. Мое пребывание на о. Айдуме доказало, что я не ошибся; хотя этот остров в одном месте не отстоит далее от Новой Гвинеи, чем на 1/2 морской мили, фауна оказалась беднее. После грабежа моих вещей люди Наматоте и Мавары не осмеливались посещать мою хижину в Айдуме и только люди Айдумы, Каю-Меры, Камака оставались около моей новой резиденции, вследствие чего материал для антропологических наблюдений стал ограниченнее. При натянутом положении дел нерационально было предпринимать больших экскурсий и даже далеко отдаляться от хижины; мои наблюдения поэтому сосредоточились преимущественно на ближайшем коралловом рифе, а свободное время и вечера я проводил между папуасами, которые, вытащив свои пироги на берег, образовали вновь вблизи моей хижины маленькое селение.

Что мне в Айдуме особенно надоедало, было постоянное беспокойство меня окружавших людей, серамцев и папуасов, и их страх относительно нападения, убийств, грабежа. Мои союзники, люди Айдумы, указывали на многих людей, которые, называя себя жителями Айдумы, приходили к моей хижине, как на людей Наматоте или Мавары и как на грабителей моих вещей в Айве, прося меня убить их. Раза два они даже насильно приводили ко мне нескольких папуасов, которые имели дерзость явиться в Умбурмету в одежде, украденной в моей хижине. Я приказал отпустить их, хотя я решил не оставить безнаказанно убийство людей, искавших убежище под моею кровлею, и грабеж моих вещей в Айве. Но мне казалось недостаточным застрелить нескольких простых папуасов, которые хитростью хотели проникнуть к моей хижине, даже если они были действительно шпионы неприятелей. Я хотел захватить по крайней мере одного, если не обоих предводителей грабежа. Я хотел сделать это сам, потому что я по опыту, а также из слов самих папуасов мог заключить, что в случае, если военное или другое большое судно должно было бы взять на себя наказание папуасов, все виновные скроются в горы. Относительно незначительное число моих людей, дружественные отношения папуасов с серамцами не позволяло им предполагать, что я осмелюсь предпринять что-нибудь серьезное против их вождей.

Не составляя никакого плана, я ожидал обстоятельств.

К концу апреля погода изменилась. Частые грозы, сильные дожди, усилившийся прибой указывали на перемену муссона. Приближалось время, когда урумбай мог и даже должен был вернуться в Серам, так как потом, при установившемся муссоне, ветер, прибой и волнение могли бы сделать опасным возвращение столь небольшого судна, как урумбай.

Я должен был также сдержать слово, данное серамцам: отпустить урумбай при перемене муссона.

Мои два амбоинских слуги отказались наотрез остаться одни со мною, если я отпущу урумбай, что я предложил им, обещая прибавку жалования.

Неожиданное обстоятельство определило мое решение.

Утром 25 апреля я узнал, что один из предводителей грабежа, капитан Мавары, скрывается в одной из пирог. Я сейчас же решил: не сказав ни слова моим людям, которым я не мог доверять, отправился я в сопровождении только одного человека к пироге, где капитан Мавары был прятан. Найдя его и приставив ему револьвер ко рту, приказал следовавшему мне человеку связать ему руки. Он был так изумлен и испуган, что не оказал ни малейшего сопротивления.

Также изумлены были серамцы и папуасы, которые были на берегу и видели все происшедшее. Никто не ожидал случившегося.

После этого ареста я не должен был ожидать вечера, когда другие папуасы узнают о плене одного из начальников. Я приказал немедля, препроводив вождя Мавары на урумбай, перенести туда же мои вещи из хижины.

Папуасы были так поражены происшедшим, что беспрекословно повиновались моему приказанию помочь моим людям переносить вещи в урумбай.

Через 1 1/2 часа после ареста капитана Мавары все было готово к отплытию и к полудню того же дня при благоприятном ветре урумбай находился уже далеко от Берега Папуа-Ковиай.

30 апреля я прибыл с моим пленником на о. Кильвару и ожидаю здесь прихода голландского военного судна, которое должно прийти сюда с амбоинским резидентом.

* * *

Я вывез из Новой Гвинеи довольно интересную зоологическую коллекцию, которую я собрал, имея в виду сравнительно-анатомические исследования. Я собирал преимущественно тех позвоночных, которых анатомическое строение еще не совершенно известно. На коралловых рифах губки с их многочисленными разновидностями особенно привлекли меня. Моя краниологическая коллекция обогатилась также 6 несомненно подлинными папуасскими черепами.

Подробное сообщение моих наблюдений и исследований я могу предпринять только по возвращению, в Европу, отчасти вследствие многочисленных рисунков, которые должны быть сделаны под моим надзором, отчасти потому, что я хочу посвятить здесь мое время дальнейшим исследованиям, а не разработке уже добытого материала.

Эта вторая экскурсия в Новую Гвинею, доставившая мне новые научные результаты, увлекает меня еще решительнее на пути исследования этого интересного острова и его жителей, несмотря на трудности и разные непредвидимые осложнения обстоятельств. Я надеюсь, что эта вторая экскурсия не останется моим последним посещением Новой Гвинеи.

О. Кильвару,

13 мая (*) 1874.

(* Мое нездоровье в Амбоине, а затем возвращение в Яву замедлили переписку и высылку этого сообщения до августа месяца. Ти-Панас, на о. Яве, 20 августа 1874 г.)